Алексей Ракитин

Американские трагедии

Хроники подлинных уголовных расследований. Книга XV

Алексей Ракитин

Американские трагедии. Хроники подлинных уголовных расследований. Книга XV

https://litres.ru/74370089
ISBN 9785007100373

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Пятнадцатая книга серии. Сборник очерков, посвященных малоизвестным сюжетам из истории американской преступности разных лет. Помимо необычных и полных драматизма криминальных конфликтов в представленных очерках можно увидеть подлинную картину общественной жизни США XIX — XX веков, специфику правоприменения и особенности работы правоохранительного сообщества той поры.

Содержание

От автора	5
1902 год. Как убивают некрасивые женщины. Унылая история Мэри Роджерс	6
1957 год. Висконсинский волк	38
Невыдуманная история первого и последнего «барона Аризоны»	115
1930 год. Нерассказанная история похищения банкира Эрла Йокума	149
Конец ознакомительного фрагмента.	163

Американские трагедии Хроники подлинных уголовных расследований. Книга XV

Алексей Ракитин

© Алексей Ракитин, 2026

ISBN 978-5-0071-0037-3 (т. 15)
ISBN 978-5-0053-5460-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Автор напоминает, что незаконное потребление наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов причиняет вред здоровью, их незаконный оборот запрещён и влечёт установленную законодательством ответственность.

1902 год. Как убивают некрасивые женщины. Унылая история Мэри Роджерс

Тот, кто прочёл вторую книгу «Американских трагедий»[1], наверняка обратил внимание на упоминавшуюся там статью из американской газеты 1895 г. с говорящим названием «Холмс — дегенерат». В текст книги даже иллюстрация вставлена, взятая из этой статьи.

[1] Речь идёт о сборнике *«Американские трагедии. Хроники подлинных уголовных расследований XIX — XX столетий. Книга II»*, изданном с использованием возможностей книгоиздательской платформы «ридеро» в июне 2021 года.

H. H. HOLMES IS PRONOUNCED A DEGENERATE.

Dr. Horatio C. Wood's Opinion from a Study of the New York Press Portrait—Dr. Charles K. Mills Thinks the Prisoner Does Not Show Abnormal Signs, but Is a Wonderful Man.

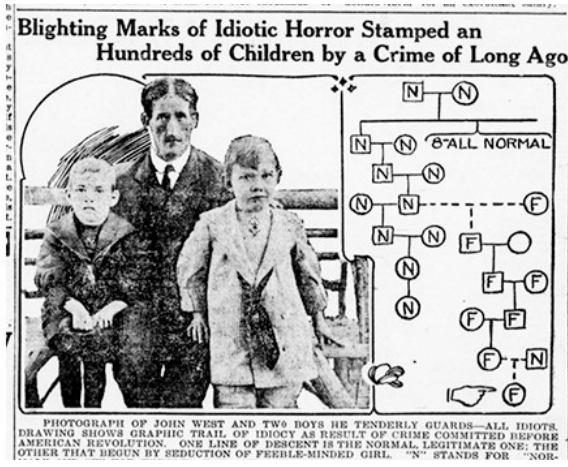
While the jury in the Holmes case is kept secluded and out of hearing of public opinion, until the trial is over, it is interesting to at-

Форма головы Маджета-Холмса, по мнению френологов, носила явные следы вырождения. Во время суда над необычным преступником журналисты весьма пристрастно обсуждали внешний облик подсудимого, его речь и манеры. Открыто высказывались суждения о его вменяемости, врачи самого разного профиля выискивали в подсудимом следы вырождения и сообщали простым обывателям свои умозаключения.

Надо сказать, что в этом не было ничего необычного для тех времён. Идеи Ломброзо о связи вырождения и криминальных наклонностей [говоря шире — деструктивного поведения] были тогда широко известны и чрезвычайно популярны.

Газеты открытым текстом высказывались по данной теме, и она вовсе не считалась «щекотливой». Подобную простоту нравов невозможно представить в нынешние дни, когда явные дегенераты не только попадаются на каждом шагу, но даже сделались в какой-то мере властителями дум значительной части населения. Покопайтесь на youtube-каналах и вы безо всякого затруднения за четверть часа обнаружите целый выводок очевидно дефектных персонажей — косоглазых, с короткой верхней губой, незакрывающимся ртом, не выговаривающих половину букв русского алфавита, с подозрительно влажными губами, некотролируемым слюнотечением и т. д. и т. п. Причём сейчас речь идёт только о явных признаках физического вырождения, если же мы коснёмся нарушений когнитивной сферы, то всё окажется ещё печальнее.

В этом отношении времена первой половины XX столетия были, с одной стороны, намного грубее, а с другой — честнее.



Статья из газеты 1911 г. с говорящим заголовком «Совершённое давным-давно преступление оставляет в сотнях детей зловещие следы ужасающего идиотизма» («Blighting Marks of Idiotic Horror Stamped an Hundreds of Children by a Crime of Long Ago»). Статья посвящена истории семьи некоего Джона Уэста (John West), в роду которого врождённая идиотия отмечалась на протяжении полутора столетий.

История, которой посвящена эта заметка, проста и поучительна) В каком-то смысле она подобна хорошему анекдоту или басне — незатейливый сюжет доносит сложную идею не только доходчиво, но и занимательно.

Описанные ниже события произошли в самом начале XX столетия в лесном районе у самой границы штатов Нью-

Йорк и Вермонт. 12 августа 1902 г. жители фермерских хозяйств, расположенных вдоль дороги Валлумсак-роад, обнаружили на дереве возле дороги нечто необычное. Поношенная мужская шляпа была повешена на обломанный сучок, словно на вешалку, к шляпе булавкой крепился клочок бумаги с небрежно накарябанным текстом. Из его содержания можно было заключить, что записка оставлена неким Маркусом Роджерсом (Marcus Rogers), автор сообщал, что устал от жизни, тяжело болен и погряз в долгах, расплатиться с которыми не в силах.

Находка была сделана в весьма живописном местечке, носившем название «Морганс гроув» (Morgan's Grove). Там обычно местная молодёжь назначала свидания и устраивала пикники, так неужели Маркус Роджерс надумал повеситься в таком милом и всем полюбившимся районе леса? Нашедшие шляпу отнесли её помощнику шерифа, а тот проехал по лесной дороге, поискал труп на деревьях. Помощник шерифа посвистел, покричал, порасспрашивал встреченных в лесу людей, но висельника не нашёл. Точнее говоря, помощник шерифа вообще ничего подозрительного не увидел.

Шляпа с запиской казалась чьей-то дурной шуткой.

В действительности же труп существовал. Только находился он не на дереве, а в воде.

На следующий день — 13 августа — рыболовы, закинувшие удила в воды небольшой речки Валлумсак (Walloomsac) — собственно, по названию этой реки и получила название

упомянутая выше лесная дорога — обнаружили, что крючки зацепились за нечто, что поначалу было принято за притопленное бревно. Однако когда рыбаки подошли к нему, чтобы освободить крючки, выяснилось, что обнаружили они вовсе не бревно, а одетый мужской труп. Утопленник являлся тем самым Маркусом Роджерсом, записка от имени которого и шляпа были найдены накануне.

Тело находилось на глубине около 90 см и частично оказалось занесено (или умышленно сокрыто?) песком и илом. Труп располагался лицом вниз.

После осмотра утопленника врачом коронерской службы появились кое-какие подозрения. Во-первых, кожные покровы умершего врач посчитал аномально обесцвеченными (цианозными). Само по себе это ничего не означало — просто такая вот была отмечена странность. Во-вторых, лицо умершего оказалось необычно деформировано, отмечались повреждения бровей, носа, нижняя челюсть была сломана в 3-х местах. Сразу уточним, что само по себе наличие на трупе, найденном в воде, телесных повреждений не свидетельствует о криминальной причине смерти — это азы судебной медицины. Дело в том, что в воде могут плавать различные массивные предметы (брёвна, доски и т.п.), а кроме того, труп может испытывать соударения о дно. Следует помнить и то, что источником различных повреждений могут стать рыбы, раки, а также суда и лодки, особенно сильно трупы могут повреждать корабельные винты. Правда, всё перечис-

ленное вряд ли могло иметь место в мелком лесном ручье, но, тем не менее, сами по себе повреждения лица утопленника ещё не свидетельствуют о побоях. Так что врач в своих первоначальных оценках оказался весьма сдержан.

Маркус проживал в деревне Хузик Корнес (Hoosic Corners), удалённой от «Морганс гроув» примерно на 5 км. Но принципиальным представлялось не расстояние, а то, что Хузик Корнерс находился на территории штата Нью-Йорк, а место обнаружения трупа — в Вермонте. Так что с самого начала, вернее, с момента идентификации тела, правоохранительные органы обоих штатов работали вместе.

Поначалу интриги никакой не было. В течение первых суток со времени обнаружения тела было установлено, что содержание записки полностью соответствовало истине — Маркус действительно находился в депрессии, в январе 1906 г. трагически погибла его 6-месячная дочь, а в апреле от него ушла жена, к которой он был очень привязан. Мужчина не находил себе места и очень переживал, так что нырок на мелководье мог действительно показаться вполне себе логичным способом [с точки зрения погибшего] разом покончить со всеми страданиями.

Однако всё моментально изменилось утром 13 августа после вскрытия трупа, когда выяснилось, что в лёгких «утопленника» нет воды, а стало быть, он не утопленник! Кроме того, от лёгких исходил устойчивый запах хлороформа, что наводило на мысль об усыплении. И, в качестве вишен-

ки на торте, можно упомянуть обнаруженную судебно-медицинским экспертом отёчность кистей обеих рук и следы сдавления предплечий, что свидетельствовало о связывании рук и последующем снятии пут. Данный дефект не был выявлен при первичном осмотре по той причине, что труп тогда был одет; аномальная отёчность стала заметна только после обнажения торса. Налицо было явное убийство, замаскированное под суицид! Непосредственной причиной смерти Маркуса Роджерса явилась механическая асфиксия — западение языка в горло в бессознательном состоянии, последовавшее, по-видимому, ещё на этапе избиения мужчины либо во время его усыпления хлороформом.

Разумеется, в свете этих неожиданных открытий возникла необходимость поговорить с супругой Маркуса — Мэри Роджерс. Женщина проживала в городке Беннингтон (Bennington), штат Вермонт. Кстати, упоминавшееся выше местечко «Морганс гроув» располагалось примерно посередине между посёлком Хузик Корнерс, в котором проживал убитый, и Беннингтоном, где в апреле обосновалась сбежавшая от Маркуса жена.

Побеседовать с бывшей женой решил лично шериф Генри Пек (H.H. Peck). Вместе с группой помощников он прибыл к дому некоего Перхама (Perham), в котором Мэри арендовала комнату. Хозяев и квартирантки на месте не оказалось, но с шерифом любезно согласился поговорить старший из сыновей владельца дома — 21-летний Бойд Перхам (Boyd

Perham). Едва только молодой человек услышал про смерть мужа миссис Роджерс, как тут же схватился за голову и заявил, что шерифу нужно обязательно поговорить об этом с младшим братом — Леви Перхамом (Levi Perham). И после этого пояснил, что Мэри Роджерс просила его — Бойда — убить мужа, обещая за работу 250$, но он посчитал слова женщины шуткой и посоветовал поговорить на эту тему с младшим братом.

Шериф, разумеется, распорядился отыскать и привести для допроса Леви. Когда молодой человек — а Леви едва исполнилось 19 лет — предстал перед шерифом, первый же вопрос о судьбе Маркуса Роджерса поверг его в состояние, близкое к шоковому. Леви расплакался, и потребовалось некоторое время, чтобы привести его в чувство. Когда же он достаточно пришёл в себя, то рассказал историю, поразительную как по глупости замысла, так и по жестокости реализации.

Мэри Роджерс действительно попросила его, Леви Перхама, помочь с убийством мужа. Для пущей убедительности она привлекла подругу Стеллу Бэйтс (Stella Bates), которая очень нравилась Леви. За участие в убийстве молодому человеку были обещаны 250$, правда, денег у Мэри не было, она предполагала получить страховку за убитого мужа в размере 500$ и уже после этого рассчитаться с киллером. Само преступление должно было развиваться по такой схеме: Мэри приглашает Маркуса на свидание в «Морганс гроув»,

на которое последний должен явиться с оформленным полисом страхования жизни на 500$. Мэри при этом будет находиться в обществе Леви, которому предстояло сыграть роль ухажёра. По словам Мэри, муж будет предупреждён, что она придёт не одна, так что появление молодого человека не станет для него сюрпризом. Мэри предполагала показать мужчинам — Маркусу и Леви — фокусы с верёвкой, в ходе выполнения фокусов Маркус должен был оказаться со связанными руками. После этого его лицо следовало закрыть платком, на который будет вылит хлороформ — Маркус уснёт, и его тело после этого надо будет отнести в ручей.

MRS. MARY ROGERS

Мэри Роджерс.

Всё так и вышло. Маркус действительно пришёл на встречу и передал Мэри оформленный ранее договор страхова-

ния жизни. Оформление такого договора являлось условием возвращения Мэри в семью. После этого вся троица некоторое время спокойно общалась и шутила — обстановка в целом была миролюбивой и даже дружелюбной. Маркус даже не предполагал, какая ловушка ему приготовлена! В какой-то момент Мэри достала заблаговременно приготовленный кусок шпагата и стала демонстрировать фокусы с освобождением связанных рук. Она несколько раз связывала руки Маркуса и Леви, и они успешно освобождались, следуя её советам. Затем Мэри сказала, что есть ещё более необычный приём, благодаря которому можно высвобождать даже очень туго завязанные руки. И предложила его продемонстрировать на Маркусе, тот, не заподозрив подвоха, согласился, и Леви с силой затянул шпагат. Произошедшее далее Леви описал в таких выражениях: «Как только его руки были связаны, она приложила пропитанную [хлороформом] ткань к лицу мужа и придавила его голову к своим коленям. Роджерс отчаянно пытался освободиться, крича, что чувствует запах хлороформа.»[2]

Когда же он уснул, Леви перенёс и опустил тело в воды Валлумсака. Мэри, увидев, что на траве осталась шляпа её мужа, придумала повесить её на сучок возле дороги и оставить «предсмертную» записку. Записку, как несложно дога-

---

[2] Дословно в протоколе: «As soon as his hands were tied she pressed the saturated cloth on her husband's face and pulled his head down into her lap. Rogers struggling desperately to free himself, declaring he smelt chloroform.»

даться, написал Леви Перхам. На его вопрос, почему именно он должен этим заниматься? Мэри рассудительно ответила, что мужской почерк отличается от женского, и если записку напишет она, то «законники» сразу заподозрят обман. Эта маленькая деталь хорошо демонстрирует хладнокровие и здравомыслие Мэри в те напряжённые минуты.

История, конечно же, выглядела не то чтобы невозможной, но крайне необычной. Разумеется, она сразу же привлекла внимание к личности Мэри Роджерс.

Родилась Мэри в городке Хузик Фоллс (Hoosick Falls), расположенном менее чем в 5 км от Хузик Корнерс. Полные имя и фамилия при рождении — Мэри Мэйбл Каллахан (Mary Mabel Callahan). Девочка родилась вне брака, её мать — Джоанна Каллахан (Joanna Callahan) — являлась женщиной дурного нрава и, мягко говоря, не очень умной. Никто никогда не исследовал её психическое здоровье и уровень умственного развития, но знавшие семью люди рассказали на допросах в офисе окружного прокурора о явных проблемах с мышлением Джоанны. Известно было, что Чарльз Беннетт (Charles Bennett), родной дядя Мэри, лечился в психиатрической больнице. Также в «психушку» заезжала и родная тётя, правда имя и фамилию этой женщины правоохранительные органы не раскрыли, дабы не позорить женщину.

Один из свидетелей, допрошенных при расследовании этого дела, владелец магазина Уильям Брант (William Brant), хорошо знавший не только Джоанну, но и её роди-

телей (т.е. деда и бабку Мэри), сообщил, что «тугодумие» Джоанны унаследовано от её матери — та тоже была «тупенькой». Тереза Спитц (Teresa Spith), росшая вместе с Мэри и хорошо знавшая её семью, рассказала на допросе о том, что «проблемы с пониманием» наблюдались у Мэри с самого раннего детства. Она явно отставала от своих сверстников. То же самое сообщил на допросе и первый работодатель Мэри — некий Уилльям Стинтон (William Stinton). Девочка занималась в его доме уборкой, фактически выполняла обязанности горничной, и Стинтон быстро понял, что пытаться разговаривать с ней на отвлечЁнные темы — занятие бесполезное и бессмысленное, Мэри просто не понимала, о чём же с ней толкуют.

Ещё один ценный свидетель — Чарльз Кохран (Charles Cocheran), учившийся с Мэри в одном классе, а затем работавший с её матерью — сообщил, что мать и дочь были в равной степени ненормальными. Он их описал как женщин с «очень нервным темпераментом и психически неустойчивых» (дословно: «very nervous temperament and her mentally was weak»).

Хотя Джоанна родила Мэри вне брака, имя отца было известно. Местный алкоголик Чарльз Беннет (Charles Bennett) открыто сожительствовал с Джоанной, страшно её третируя и унижая. Он запретил Джоанне рожать, но поскольку та ослушалась, воспринял неповиновение как личное оскорбление. Чарльз грозился убить младенца и однажды едва не

задушил маленькую Мэри. То есть дурная наследственность по материнской линии оказалась органично дополнена алкоголизмом папаши и возможными травмами головы в младенческом и раннем детском возрасте.

Впрочем, как это часто бывает с подростками, демонстрирующими задержку в развитии, проблемы в интеллектуальной и когнитивной сферах никак не отразились на физическом здоровье в целом и половом влечении в частности. Скорее наоборот, девочка довольно рано созрела во всех отношениях и уже в возрасте 13—14 лет демонстрировала недопустимый интерес к лицам противоположного пола. В сентябре 1898 г., т.е. в возрасте 15 с половиной лет, Мэри Каллахан вышла замуж за Маркуса Роджерса.

NEW EVIDENCE

Officers Think Stella Bates Was Implicated in the Bennington Murder.

Bennington, Aug. 17.—New evidence discovered to-day by Deputy Sheriff Nash and Chief of Police Godfrey indicates that Stella Bates was equally guilty with Leon Perham and Mrs. Mary Rogers in causing the death of Marcus Rogers, the husband of Mary, who was found dead in the river near Morgan's Grove last Thursday morning.

Young Perham was in love with the Bates girl and that is why he has tried to shield her at every point of his confessions while not sparing himself or Mrs. Rogers. He has said all along that Stella Bates was not with them when the deed was committed and that they did not see her again that night, but officers to-day found a young man, Harold Cummings, who says that as he was going to his home at the head of Safford street at 1:30 o'clock Wednesday morning he met Perham, Mrs. Rogers and Stella Bates. This directly contradicted Perham, who said that he and Mrs. Rogers returned from the

Сообщение от 21 августа 1902 г., в котором рассказывалось о новых результатах расследования убийства Маркуса

Роджерса.

Последний, по-видимому, был очень увлечён женою. Мэри, судя по всему, несмотря на свою интеллектуальную ограниченность, умела доставить удовольствие мужчине — про таких говорят: «Тупая, но техничная», — и супруг был готов за плотские удовольствия простить жене всё. Но, как это часто бывает в супружеских отношениях, жена не ценила любовь мужа и в какой-то момент стала отчётливо тяготиться обществом Маркуса. Семейная жизнь сильно осложнилась после рождения в августе 1901 г. ребёнка, Мэри не хотела тратить время на малышку и не раз заявляла, что дочь ей не нужна. После того, как в январе 1902 г. дочка погибла, якобы сломав шею при падении из кроватки, родители Маркуса обвинили Мэри в убийстве. Дело могло закончиться формальным выдвижением обвинения, но Мэри спас Маркус, уговоривший своих родителей воздержаться от обращения к «законникам».

Дальше стало только хуже. В апреле 1902 г. Мэри напоила муженька чаем, от которого тому стало очень плохо. Маркус тяжело заболел и едва оправился. Родители заявили ему, что чай был отравлен его женой, но Маркус не хотел им верить. Желая спасти сына, родители выгнали Мэри из дома [она проживала в их доме в Хузик Корнерс] — именно после этого Мэри и переехала в Беннингтон, где, в конечном счёте, сняла комнату в доме Перхамов. Она рассказывала всем, что

оставила ленивого и тупого мужа, но на самом деле картина была иной — это её изгнали из дома, заподозрив попытку отравления.

Мэри не очень-то и грустила. Она довольно быстро утешилась с неким Моррисом Кнэппом (Morris Knapp), который крепко привязался к дамочке и был готов жениться на ней, но… Правильно, этому мешал живой муж!

Маркус сожалел об изгнании жены, вынашивал планы вернуть её в лоно семьи и разводиться с нею не собирался. Может показаться удивительным, но Мэри Роджерс, несмотря на свой, мягко говоря, короткий ум, умела нравиться мужчинам, ну, или, выражаясь корректнее, некоторой части мужчин — этот момент представляется, пожалуй, самой парадоксальной частью этого в целом несложного криминального сюжета.

По мере ведения следствия становились известны всё новые детали. Так, например, психиатр Лерой МакКвин (Leroy B.McQuain) рассказал на допросе в прокуратуре о том, что 7 августа — т.е. менее чем за неделю до совершения преступления — к нему на приём явилась Мэри Роджерс. Она попросила выписать ей противозачаточные и снотворные препараты, причём заявленное женщиной количество выглядело совершенно несуразным. Поведение женщины в целом выглядело неадекватным, и психиатр отказался сделать какие-либо назначения, предложив пройти полноценное освидетельствование. Его слова вызвали неожиданную вспышку

ярости Мэри — та мало того, что обругала врача, так ещё и пригрозила ему убийством! МакКвин признался, что никогда ранее ему не доводилось выслушивать подобных угроз в свой адрес.

Другая интересная деталь касалась того, кто и как сломал челюсть Маркусу Роджерсу. Леви Перхам клялся, что не бил связанного мужчину да и возможности такой не имел, поскольку сидел на его ногах [не позволяя Маркусу подняться]. Мужчину со связанными за спиной руками била жена, используя довольно большой камень, заблаговременно найденный ею на поляне.

В целом дело представлялось довольно очевидным, Мэри Роджерс была обвинена в убийстве первой степени, а Стелла Бэйтс — второй. Мэри отказалась от дачи показаний по совету назначенных ей адвокатов Флинна (E. B. Flinn) и МакКарти (C. A. McCarthy). Последние принялись активно продвигать тему дегенерации их подзащитной и её безумии. В какой-то момент их пропаганда оказалась настолько удачной, что обе обвиняемые были выпущены из тюрьмы и направлены до суда в т.н. «женский работный дом», где содержались женщины, задержанные за незначительные правонарушения (приставания к прохожим, непристойное поведение в общественном месте, бродяжничество и т.п.). Там Мэри Роджерс и Стелла Бэйтс вели довольно свободный образ жизни, принимали посетителей, имели возможность выходить за пределы охраняемого периметра и т. п. Когда стало

известно, что дамочки содержатся в «работном доме», разгорелся скандал — история и впрямь выглядела возмутительно! — в результате обе обвиняемые были возвращены в окружную тюрьму.

BACK TO RUTLAND AGAIN.

Mrs. Mary Rogers and Stella Bates to Await Trial For Murder.

Bennington, July 31.—Sheriff Wilson came here yesterday and took Mrs. Mary Rogers and Stella Bates, who have been in jail here since county court adjourned, to the house of correction in Rutland where they will be kept until their trial for the murder of Marcus Rogers is called at the December term of county court.

Статья от 31 июля 1903 г. сообщила читателям, что обвиняемые в жестоком убийстве Мэри Роджерс и Стелла Бэйтс возвращены из «женского работного дома» в окружную тюрьму.

На этом скандалы, связанные с именем Мэри Роджерс, отнюдь не закончились. В тюрьме дамочка умудрилась забеременеть! Навскидку можно было подумать, что Мэри сделалась жертвой грубого сексуального насилия или принуждения — но нет! — всё оказалось вполне себе по обоюдному согласию. И даже, по-видимому, с огромным желанием соскучившейся по мужской ласке дамочки. Особую пикант-

ность ситуации придало то обстоятельство, что Мэри не знала, от кого же именно она забеременела — она назвала двух предполагаемых отцов из состава охраны тюрьмы.

В 1904 г. она родила мёртвого ребёнка, но даже и тут не обошлось без скандала. Доктор Эдгар Холл (E.G.Hall), гинеколог из больницы в городе Рутланде, был обвинён в факте сокрытия якобы живого ребёнка, который был похищен и тайно усыновлён. Уважаемому врачу, не имевшему ни малейшего отношения к пенитенциарной системе, пришлось столкнуться с оскорбительными подозрениями и даже давать суду разъяснения по связанным с ними деталям.

Но, как известно, сколько верёвочке ни виться, а конец настанет!

Настал конец и для Мэри Роджерс. Ещё 10 июня 1903 г. Большое жюри постановило, что обвинительных материалов собрано достаточно для предания суду всей троицы — Мэри Роджерс, Стеллы Бэйтс и Леви Перхама. Причём всех троих предполагалось судить по обвинению в убийстве 1-й степени. В декабре 1903 г. в Беннингтоне состоялся суд, обвинение представляли прокурор Шекхубер (Shakshober) и Дэниел Гилтман (Daniel A. Guiltman). Леви Перхам заключил судебную сделку, согласившись свидетельствовать против обеих женщин в обмен на пожизненное заключение в тюрьме. Защита Мэри Роджерс была пассивна и полностью скомпрометирована. Упор делался на безумие Мэри Роджерс, но из материалов дела становилось совершенно ясно, что действо-

вала она обдуманно, рационально, цинично и крайне жестоко. Стремясь спасти положение, адвокаты даже допустили дачу обвиняемой показаний в собственную защиту, что следует признать жестом отчаяния и полной безысходности.

Допрос Мэри Роджерс обоими обвинителями стал своего рода кульминацией процесса. Мэри ничего не могла сказать в своё оправдание, вообще ничего! На протяжении 1,5 часов она сидела в свидетельском кресле, пускала слёзы и хлюпала носом. Если уж сам обвиняемый ничего не может сказать в собственную защиту, то чего же следует ожидать от адвокатов?!

Мэри была ожидаемо приговорена к смертной казни через повешение. Приговор показался многим бесчеловечным и не отвечающим стандартам американской цивилизации — довольно странное суждение, особенно в контексте того, что в те годы [и даже десятилетия спустя] на просторах США вовсю линчевали людей, вообще не судимых! Тот, кто читал «Все грехи мира»[3], прекрасно поймёт подтекст сказан-

---

[3] Автор имеет в виду свою же довольно подробную и объёмную работу «Все грехи мира» (в 4-х книгах), посвященную расследованию серийных убийств с использованием топора, произошедших на территории США в первые два десятилетия XX века. Помимо чисто криминального сюжета, книга богата бытовыми зарисовками, позволяющими получить представление об образе жизни и нравах американцев того времени. В книге присутствуют весьма выразительные рассказы о линчеваниях и попытках линчеваний — такого рода народные инициативы считались в те времена проявлением «демократии прямого действия» и официально либо не преследовались вовсе, либо преследовались лишь на словах. Книга А. Ракитина «Все грехи мира» (в 4-х томах) издана в период июль 2020 года

ного… Тем не менее, факт остаётся фактом — в США появилось движение в поддержку Мэри Роджерс и её спасения от виселицы. Довольно известный адвокат Тимоти Молони (T.W.Moloney) взялся бесплатно представлять интересы осуждённой. Он заказал новую судебно-медицинскую экспертизу, основываясь на которой стал доказывать, что вина за смерть Маркуса Роджерса всецело лежит на Леви Перхаме. Последний выполнил всю «чёрную работу», а Мэри никого не убивала, а всего лишь поливала платок хлороформом.

Исходя из этой логики, адвокат Молони подал прошение в Верховный суд штата с просьбой полностью отменить приговор и назначить новое рассмотрение дела. Два члена суда — Джон Роувелл (John W. Rowell) и Лавленд Мансон (Loveland Munson), ознакомившись с аргументацией Молони, 28 апреля 1905 г. заявили, что поддержат адвоката. Одновременно с этим Мэри Роджерс — разумеется, с подачи Молони — направила апелляцию, требуя отмены приговора по формальному признаку, поскольку квалификация её деяний как «убийство 1-й степени» юридически неверно.

Началось явное давление на губернатора штата Вермонт Чарльза Белла с целью добиться помилования для преступницы. Надо отдать должное Беллу — тот не понял, почему следует помиловать женщину, коварно заманившую мужа в

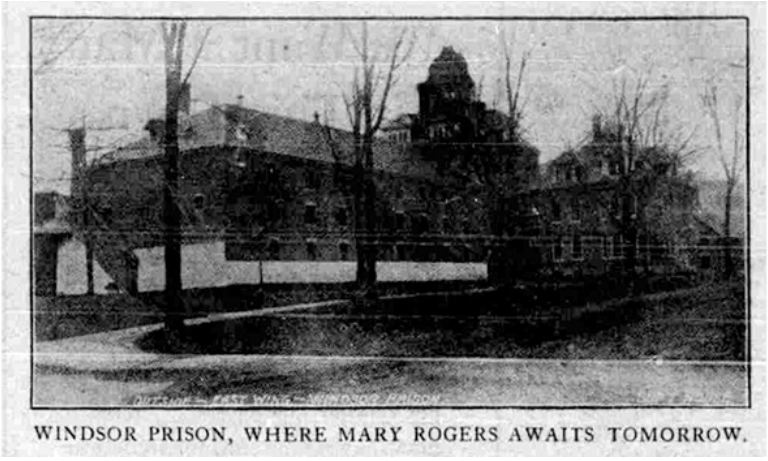
— октябрь 2021 года с использованием книгоиздательского сервиса «ридеро» и ныне находится в свободной продаже.

заблаговременно подготовленную ловушку, сумевшую привести его в беспомощное состояние, затем жестоко его убившую и предпринявшую меры по сокрытию преступления. Несмотря на отчаянные юридические меры, предпринятые Молони, отмены приговора он не добился.

28 ноября 1905 г. Мэри Роджерс — и до того содержавшаяся в камере смертников — была переведена в особую камеру, в которой содержались приговорённые, приговор в отношении которых подлежал исполнению в течение 1—2 недель. По сути своей это была одиночная камера, разделённая на 2 половины решёткой — в одной её части находился узник, а в другой — сотрудник конвоя, не спускавший глаз со смертника на протяжении 24 часов в сутки. Подобные меры чрезвычайного контроля были призваны не допустить самоубийства смертника в последние дни и часы жизни.

Доступ к Мэри Роджерс с этого времени был ограничен. С ней виделись только начальник тюрьмы суперинтендант Лоувелл (Lovell), два конвоира — сменявшие друг друга каждые 12 часов Уорден Палмер (Warden Palmer) и Сара Дарки (S.J.Durkee) — а также католические священники Уилльям Хейс (Wm. H. Hayes) и Кристофер Дилэйни (C.C.Delaney). В порядке исключения к смертнице были допущены её приятели — семейная пара по фамилии Лук (Louk), пришедшие на встречу с 4-летней дочерью Маргарет. Мэри в своё время часто нянчилась с маленькой Маргарет и теперь попросила привести её в тюрьму, чтобы она могла её увидеть. Трудно

отделаться от ощущения, что эта девочка была единственным существом, к которому Мэри Роджерс испытывала искреннюю симпатию.



WINDSOR PRISON, WHERE MARY ROGERS AWAITS TOMORROW.

Мэри Роджерс содержалась в одной из старейших американских тюрем — в г. Виндзор на востоке Вермонта. Тюрьма эта была местом очень мрачным, открыли её ещё в 1807 г., и столетие спустя весь уклад тюремного быта повторял архаичную традицию.

Наблюдавшие за осуждённой контролёры впоследствии рассказали, что после помещения в особую камеру Мэри Роджерс сохранила прекрасный аппетит и сон. Кстати, подобная «толстокожесть» характерна для людей неразвитых

и не склонных задумываться над серьёзными вопросами. Предстоящая казнь их обычно беспокоит не очень сильно и не очень долго, ибо перспективно мыслить эти люди не умеют, и способность сосредоточиться на каком-либо вопросе — это не их конёк. Даже расстроившись из-за мыслей о скорой собственной смерти, они обычно быстро приходят в хорошее расположение духа, если с ними заговорить на излюбленные темы, например, о вкусной еде, красивой одежде или весёлом отдыхе.

7 декабря в тюремном коридоре начался монтаж виселицы, на которой предстояло принять смерть Мэри Роджерс. Роль палача принял на себя помощник шерифа Ангас МакОлей (Angus McAulay), этнический шотландец из городка Уайлдер, расположенного в 30 км к северу от Виндзора. МакОлей не был профессиональным палачом, но он видел, как вешают, и считал, что прекрасно справится с заданием, дескать, не тот это бином Ньютона, что запутает Ньютона! Предстоящая казнь была обставлена как театральное представление — поперёк тюремного коридора был натянут чёрный полог, наподобие занавеса, при отбрасывании которого открывался вид на виселицу.

МакОлею в его работе помогали 3 помощника шерифа, а также сам окружной шериф Пекк и тюремный суперинтендант Лоувелл.

DEPUTY SHERIFF MACAULEY.

Помощник шерифа Ангас МакОлей (Angus McAulay) вызвался стать палачом и чрезвычайно гордился назначением. Как это часто бывало в истории, роль палача славы ему не добавила, а скорее, напротив, опозорила его и его семью на многие годы.

Более 30 газет просили допустить репортёров на казнь, но суперинтендант заявил, что газетчиков в тюрьме не будет. Менее чем за сутки до приведения приговора в исполнение — 7 декабря 1905 г. — выяснилось, что 2 журналиста будут допущены на казнь. И эта новость вызвала понятное возмущение газетчиков, не попавших в их число. Сразу появились предположения о подкупе начальника тюрьмы [наверняка, не беспочвенные!], и чтобы утихомирить пишущую братию, Лоувелл собрал журналистов перед тюрьмой и не без патриотического пафоса объявил о том, что допущены 2 репортё-

ра небольшой вермонтской газеты «Vermont papers». А стало быть, не нужно здесь фантазировать о коррупции и подкупе должностных лиц. Однако уже через 2 часа выяснилось, что суперинтендант банально наврал — пропуск на казнь получил журналист лондонской «The times», крупнейшей газеты тогдашнего цивилизованного мира. Понятно, что газета такого уровня могла предоставить любую сумму, потребную для подкупа!

Эта новость вызвала очередное клокотание репортёрского негодования и уязвлённого самолюбия, что сулило скорый скандал. Суперинтенданту имело бы смысл допустить в тюрьму всех газетчиков — всё-таки, 30 или 40 человек — это совсем немного! — но сия простая мысль не посетила закоулки его разума.

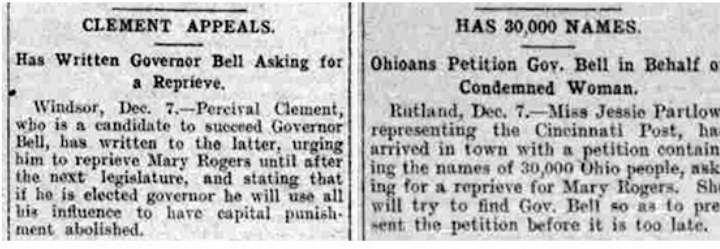
В 3 часа ночи 8 декабря адвокаты Флинн и МакКарти добились встречи с губернатором штата и попытались убедить его в необходимости если не помиловать Мэри Роджерс, то хотя бы перенести казнь на несколько месяцев. Они обещали, что за это время сумеют провести новую психиатрическую экспертизу смертницы. Губернатор Белл стоически выслушал адвокатов и заявил, что не услышал ничего нового, а потому не может гарантировать сохранения жизни Мэри Роджерс.

Предпринимались и иные попытки давления на губернатора. В частности, его политический противник Персиваль Клемент в открытом письме предложил Беллу отложить ис-

полнение приговора до новых выборов, дабы вопрос о целесообразности помилования решал новый губернатор. Выборы были запланированы на осень 1906 г., так что ждать следовало ещё порядка 9—10 месяцев — так себе предложение, скажем прямо!

В штате Огайо осенью 1905 г. проводился сбор подписей под петицией в адрес губернатора Вермонта с просьбой помиловать Мэри Роджерс. 7 декабря было объявлено, что собрано уже более 30 тыс. подписей и подписные листы находятся в редакции газеты «Цинциннати пост», они готовятся к скорейшей отправке в канцелярию губернатора Белла.

Психоз накалялся час от часу! 7 и 8 декабря в общественных местах Вермонта — барах, парикмахерских, бильярдных и т. п. — стали заключаться пари и приниматься ставки относительно того, «сломается» ли губернатор Белл под давлением сторонников помилования Мэри Роджерс или же позволит правосудию свершиться? Ставки держались на уровне 2 против 1 за то, что губернатор выдержит давление и преступница будет повешена.



CLEMENT APPEALS.

Has Written Governor Bell Asking for a Reprieve.

Windsor, Dec. 7.—Percival Clement, who is a candidate to succeed Governor Bell, has written to the latter, urging him to reprieve Mary Rogers until after the next legislature, and stating that if he is elected governor he will use all his influence to have capital punishment abolished.

HAS 30,000 NAMES.

Ohioans Petition Gov. Bell in Behalf of Condemned Woman.

Rutland, Dec. 7.—Miss Jessie Partlow, representing the Cincinnati Post, has arrived in town with a petition containing the names of 30,000 Ohio people, asking for a reprieve for Mary Rogers. She will try to find Gov. Bell so as to present the petition before it is too late.

В последние дни и часы перед казнью Мэри Роджерс предпринимались активные попытки остановить приведение приговора в исполнение. Фотография слева: заметка о том, как кандидат в губернаторы штата Персиваль Клемент предлагает действующему губернатору Вермонта перенести казнь на время после очередных выборов, дабы предоставить возможность принять решение новому главе штата. Справа: заметка с сообщением из штата Огайо, жители которого собрали аж даже 30 тыс. подписей под петицией в адрес Губернатора Вермонта помиловать Мэри Роджерс.

В день казни — 8 декабря 1905 г. — Мэри проснулась в 5 часов утра, проспав перед этим без перерыва 6 часов. Приведение приговора в исполнение было запланировано на полдень, приговорённая всё это время оставалась спокойна. Хотя, учитывая, что в роли палача выступает любитель, ей следовало бы испытывать особую тревогу.

Всё шло по плану ровно до тех пор, как под ногами Мэ-

ри Роджерс открылись створки «западни». Провалившись под помост, женщина не повисла в воздухе — как это должно было произойти в теории, а… достала ногами пол! Причиной тому послужило растягивание верёвки под весом тела. Опытные палачи, дабы избежать подобной неприятности, подвешивали к верёвке мешок с песком на сутки или даже более — новая верёвка растягивалась и не попускала излишней деформации. Самозванный палач МакОлей этого нюанса не знал, а потому Мэри Роджерс не повисла над полом на высоте фута (~30 см), а опустилась на него ногами.

Другая неприятность заключалась в том, что ноги смертницы не были надлежащим образом скованы. Обычно ноги висельников сковывали кандалами, исключавшими возможность широко шагать. МакОлей решил проявить гуманность и не стал сковывать ноги женщине. В результате этого Мэри не только достала ногами пола, но и стала бросаться из стороны в сторону, широко шагая с петлёй на шее.

Сцена была шокирующей! Палач растерялся, не зная, что предпринять, МакОлей позвал на помощь товарищей, вместе с которыми монтировал виселицу, и они принялись подтягивать верёвку наверх, дабы заставить смертницу повиснуть в петле. Даже здесь, кстати, проявился непрофессионализм самодеятельного палача — для скорейшего умерщвления висельника надо было не верёвку тянуть вверх, а просто-напросто сесть на плечи смертника.

EXECUTION OF MARY ROGERS

Bennington Murderess Pays Penalty of Her Crime on the Scaffold

LEGAL HISTORY OF CASE

Story of the Hard Fought Effort to Save Mrs Rogers' Life.

The legal moves in the celebrated Rogers case have been so complex that the public may be interested in a statement as to the various steps in the doomed woman's case.

She was indicted at the June term, 1905, Bennington county court, for the murder of her husband and was tried at the December term, 1905, of that court and convicted of murder in the first degree. No exceptions were taken by her counsel to the supreme court of Vermont. No further steps were taken in her behalf until the legislature met in October, 1904, when a bill

THE DEATH WARRANT

The Fatal Document Read to the Condemned Woman This Morning

The deathw arrant was as follows:

STATE OF VERMONT.

"Bennington County, ss.

"To the Sheriff of the County of Windsor—Greeting: Whereas, at a term of the county court begun and held at Bennington, within and for the county of Bennington aforesaid on the second day of December in the year of our Lord nineteen hundred and three, Mary Mabel Rogers, late of Bennington aforesaid, in the county of Bennington aforesaid, was duly convicted of the crime of murder, as

Trap Sprung at 1.13 O'Clock.

DEAD AT 1.27 1-2

Woman Strangled as Her Neck Was Not Broken.

NO HARROWING DETAILS

Murderess Walked to Her Doom

Одно из многочисленных газетных сообщений о казни Мэри Роджерс.

В общем, получился полнейший срам и позор, причём на глазах приглашённых гостей и 2-х газетчиков! Четверо мужиков, стоя на платформе виселицы, тянут верёвку вверх, а на другом конце этой верёвки бьётся в конвульсиях женское тело…

Прошло некоторое время, прежде чем вконец потерявший голову МакОлей догадался скомандовать опустить полог. Виселицу от зрителей закрыли, но это лишь породило многочисленные вопросы о том, когда же именно умерла Мэри Роджерс и как сильно она мучилась?

Скандал получился знатный! Газетчики припомнили всё

— и собственный недопуск в тюрьму, и отказ губернатора от переноса казни, и самонадеянность МакОлея.

Правда, у случившегося имелась и позитивная сторона, если можно так выразиться применительно к данному случаю. Смертники в Виндзорской тюрьме очень перепугались, узнав детали того, как умирала Мэри Роджерс. Случившееся сделалось тюремной «новостью №1» на многие дни и недели.

TWO WOMEN SLAYERS, CONDEMNED TO DEATH, SHAKEN BY MRS. ROGERS'S FATE

News Penetrates Jail Walls in Hackensack, Far from Execution.

BREAK THEIR STOLIDITY

Antoinette Tolla and Rosa Valentina Tremble for Break of Miserable Life.

By Ruth Earle.

Статья о том, как две женщины-смертницы — миссис Толла и Анна Валентина, — содержавшиеся в той же тюрьме, что и Мэри Роджерс, с ужасом обсуждали детали казни. Им предстояло быть повешенными в скором будущем, и понятно, что случившееся с их соседкой по «коридору смертников» чрезвычайно обеспокоило преступниц.

В случившемся можно увидеть ещё один аспект, заслуживающий, по мнению автора, упоминания. Согласитесь, криминальные истории всегда рождают мысли о воздаянии — существует ли таковое в действительности? возможно ли искупление насилия насилием? допустимо ли оправдывать благие цели негодными средствами? и пр. Кто-то не верит в воздаяние при жизни, кто-то не верит даже в воздаяние после смерти, но сложно отрицать то, что реальная жизнь дарит порой поразительные примеры наказания порока. И постороннему зрителю остаётся только развести руками и воскликнуть изумленно: «Ну, надо же, как повернулось!»

История жизни и смерти Мэри Роджерс как раз из числа таковых. Хитрая, подлая женщина, совершившая чужими руками отвратительное преступление, получила в конце своего земного пути страшную расплату. «Гамбургский счёт», предъявленный ей в последние минуты жизни, оказался по-настоящему ужасен. Можно называть себя атеистом и не верить в воздаяние, но «Мне отмщение и Аз воздам» человеческое безверие отменить не способно.

1957 год. Висконсинский волк

После окончания Второй мировой войны в штате Висконсин, США, произошло несколько мрачных случаев исчезновений людей.

Цепочка этих драматичных и, как полагала полиция, связанных между собой инцидентов началась 1 мая 1947 г., когда пришедшая из школы 8-летняя Джорджия Джин Веклер (Georgia Jean Weckler) вышла из своего дома, чтобы погулять. Семья Веклеров проживала на ферме, расположенной в относительно пустынном местечке под названием Хем в районе городка Форт Аткинсон (Fort Atkinson), настоящем «медвежьем углу» по американским понятиям, и потому у родителей девочки не было никаких оснований бояться скверных соседей или незнакомых людей. Последние в этих краях вообще попадались нечасто. Мать Джорджии, несколько раз выглядывала в окно и видела дочку на лужайке перед лесом на расстоянии менее полукилометра от дома. Но когда пришло время звать Джорджию домой, выяснилось, что её не удаётся отыскать.

То есть всё время она была, вроде бы, перед глазами. а потом словно в воздухе растаяла…

В результате масштабных поисков на территории графства Джефферсон, проведённых с привлечением большого числа добровольцев и полицейских, был тщательно осмот-

рен участок площадью около 25 квадратных километров. Полицейские полагали, что девочка, гуляя, никак не могла выйти за его пределы. Даже в случае нападения на неё крупного дикого животного, например, волка, её останки должны были находиться в пределах этой зоны. Но поскольку никаких следов исчезнувшей девочки найдено не было, оставалось предполагать, что Джорджия Веклер была похищена и вывезена за пределы района поиска.

В том месте, где девочку видели в последний раз, полицейские обнаружили на грунте неясные отпечатки колёс автомашины. Определив колёсную базу, сыщики решили, что эти отпечатки могли быть оставлены пикапом «ford», машиной весьма распространённой среди местных фермеров ввиду своей практичности. На ближайшей автозаправочной станции вспомнили такую автомашину и её владельца — тот не был известен местным жителям и, казалось, приехал издалека.

Служба шерифа округа Джефферсон 3 мая обратилась за помощью к ФБР и уже на следующий день подозрительный «пикап» и его владелец были обнаружены в Чикаго примерно в 140 км от места исчезновения Джорджии Веклер. Мужчина был допрошен и доказал свою полную непричастность к событиям в районе Форт Аткинсон.

После 4 мая поисковая операция в районе фермы продолжилась. Губернатор штата, получавший регулярные доклады о розысках пропавшей девочки, объявил о выплате воз-

награждении в размере 2,5 тыс.$ за информацию, способную помочь установить её местонахождение.

В середине мая поиски переместились более чем на 1 тысячу км восточнее — в штат Мэриленд. Оттуда пришло сообщение, что некий пенсионер Сэм Климент (Sam Kliment), человек серьёзный и уважаемый, видел подозрительную сцену — некий мужчина в старом седане удерживал девочку, кричавшую «Выпусти меня, я хочу домой!» («Let me out of here, I want to go home!»). Климент не успел вмешаться, незнакомец быстро уехал, однако бдительный пенсионер сразу же сообщил об увиденном в полицию. В самом Мэриленде не было сообщений о пропаже детей, поэтому оставалось предположить, что кричавшая девочка была привезена из другого штата, разумеется, в том случае, если она вообще была похищена.

Розыски в Мэриленде результата не дали — ни старый седан, ни девочку, сидевшую внутри, правоохранительным органам отыскать не удалось.

В начале июля 1947 года в службу шерифа округа Джефферсон поступило анонимное сообщение, из которого следовало, что Джорджия Веклер мертва и похоронена в лесу. Сообщалось предполагаемое место нахождения могилы и ориентиры, способные помочь её отыскать. Помощник шерифа Элмер Оттам и детектив Уильям Тейлор произвели разведку местности и выяснили, что участок потревоженной почвы действительно находится в указанном месте. Последующие

раскопки привели к обнаружению кладбища домашних животных, но человеческого тела в земле не оказалось.

Girl, 8, Still Missing; Kidnap Suspect Freed

By the Associated Press

FORT ATKINSON, Wis., May 5.—Release of a kidnaper suspect sent several hundred persons back into the countryside today in an extensive search for Georgia Jean Weckler, 8, missing since Thursday afternoon.

Rewards totaling $2,500 have been posted for a "definite tip or information leading to the recovery of the girl or the arrest of the abductor." Convinced that the blond, blue-eyed daughter of George C. Weckler, a farmer, had been kidnaped, Oscar Menzel of Milwaukee offered

Georgia Weckler.

WhatDoesATownFeelLike When A Child Disappears?

(Eaditor's Note: On May 1, eight-year - old Georgia Jean Weckler disappeared from her father's home. She is believed to have been kidnoped and killed, perhaps by a sex fiend. The editor of the local newspaper there describes what such a tragedy does to a peaceful farming community.

BY LEROY GORE
Editor, Jefferson County Daily Union
Written for United Preses

FT. ATKINSON, Wis., May 24. —(U.P.) —Tragedy does strange and

flocked to the Weckler farm to do his plowing first. That's the way it is in Fort Atkinson and Oakland township.

Rumors have been thicker and more annoying than mosquitoes in a swamp. One of the most pernicious of these rumors was started and finally traced to a lady of some social prominence in the community. She'd not only started the rmor, she insisted that she had read it in a metropolitan newspaper. Faced with the rumor and a copy of the newspaper, she looked through the pages in vain for the story she had insisted was

Elle a été enlevée, croit-on

Un automobile noir mystérieux est recherché comme indice dans la disparition de Georgia Weckler, 8 ans, de Fort Atkinson, Kansas. La fillette disparut il

DE BONS VOISINS AIDENT A CE PERE ATTRISTE

George Weckler, fermier près de Fort Atkinson, Wis., étant incapable de rien à cause de son

Газетные публикации 1947 года, посвящённый розыскам Джорджии Веклер.

Прорыв, казалось, наступил спустя много месяцев, в декабре 1947 года, когда неожиданное признание в похищении

Джорджии Веклер сделал жестокий убийца Бафорд Сенет (Buford Sennett). Месяцем ранее 22-летний Сенет был приговорён к пожизненному заключению за нападение в компании со своим другом Робертом Уинслоу на Карла Карлсона, студента Университета штата Висконсин. Тело Карлсона преступники сбросили в воды реки Блю-ривер на западе Висконсина и оно вскоре было найдено, что и привело к быстрому разоблачению убийц.

Встретившись в тюрьме с окружным прокурором Фрэнсисом Гэрити (Francis Garity), осужденный заявил, что готов признаться в похищении Джорджии Веклер и сообщить обстоятельства её смерти, разумеется, за кое-какие уступки со стороны властей, связанные со смягчением режима содержания. Прокурор выразил заинтересованность в сделке и Бафорд Сенет сделал признание, если сказанное им можно было так назвать. По словам заключённого в преступлении участвовал ещё один человек, которого он назвать не может, поскольку тот остаётся на свободе. Злоумышленники не хотели убивать Джорджию, поскольку рассчитывали получить от отца девочки значительный выкуп [семья Веклер считалась очень зажиточной]. Девочку они схватили после того, как та вышла из подвозившей её автомашины и направилась к дому; чтобы Джорджия не кричала, ей дали две снотворные таблетки. Автомашина с уснувшей школьницей была оставлена на ночь в лесу, при этом похитители отправились по своим делам дабы обеспечить себе alibi. Сенет по его словам,

встречался с женщиной, с которой и провёл ночь. Когда же утром следующего дня преступники вернулись к автомашине, то обнаружили, что Джорджия Веклер мертва.

По мнению Бафорда Сенета причиной смерти явилась передозировка снотворного, хотя переохлаждение также могло привести к фатальному исходу, поскольку ночь на 2 мая оказалась в Висконсине довольно холодной. Продолжая своё повествование, Сенет заявил, будто тело девочки было утоплено примерно в том же месте на реке Блю-ривер, где впоследствии было брошено в воду тело Карла Карлсона, для этого преступникам пришлось проехать на восток более 150 км. И уже в самом конце своей исповеди Сенет неожиданно брякнул, что в теле девочки, если только его удастся найти, могут быть обнаружены огнестрельные ранения, но это ничего не значит, поскольку умерла она до того, как в неё произвели выстрелы.

Прокурор Гэрити до такой степени впечатлился признанием Сенета, что ещё до проверки сказанного убийцей, сделал официальное заявление о прорыве в расследовании исчезновения Джорджии Веклер. Начиная с 15 декабря 1947 года в газетах стали появляться публикации, посвящённые как заявлению окружного прокурора, так и анализу фактических обстоятельств исчезновения девочки.

Involved In Georgia Jean's Death

Authorities said today that Buford Sennett has admitted he was involved in the disappearance and death of Georgia Jean

University Student's Slayer Also Confesses Kidnap Death of Girl, 8

By the Associated Press

JEFFERSON, Wis., Dec. 15.—A confession from a lifer's cell today

River Dragged for Girl, 8, After Convict Confesses

By the Associated Press

BLUE RIVER, Wis., Dec. 16.—Searchers planned to resume dragging the Wisconsin River today in an attempt to find the body of Georgia Jean Weckler, 8, after a life-term convict at Waupun State

Во второй половине декабря 1947 года в газетах, издававшихся на северо-востоке США, появилось множество публикаций, посвящённых признанию Сенета в похищении и

убийстве Джорджии Веклер. На иллюстрации вверху можно видеть фотографии исчезнувшей девочки и её похитителя. Точнее, предполагаемого похитителя.

Хотя окружной прокурор поверил убийце и всерьёз решил, будто судьбу пропавшей девочки в скором времени удастся прояснить, оптимизм его выглядел несколько преувеличенным и преждевременным. Прежде всего, Сенет продемонстрировал незнание некоторых важных деталей, в частности, того, что Джорджия исчезла отнюдь не на пути от школы домой, а уже после того, как отправилась из дома на прогулку. Река Блю-ривер, в которую якобы было сброшено тело Джорджии, больше похожа на ручей, её ширина даже в самом широком месте едва превышает 10 метров. После обнаружения трупа Карла Карлсона берега и дно Блю-ривер тщательно осматривались на большом протяжении — это было проделано с целью поиска возможных улик — и в ходе этого осмотра ничего, связанного с Джорджией Веклер не было обнаружено.

В общем, сомнения в правдивости рассказа Сенета существовали с самого начала, но окружной прокурор до поры до времени не желал прислушиваться к голосам скептиков. Тем не менее, ему пришлось это сделать после того, как весной в районе Блю-ривер сошёл снег и лёд и берега и дно реки были тщательно осмотрены на протяжении более 10 км. Отсутствие каких-либо костных останков и одежды убедительно

доказали лживость «признания» Бафорда Сенета. Последний решился на самооговор лишь для того, чтобы продемонстрировать содействие правосудию и получить за это от тюремной администрации некие бонусы.

Несмотря на большие усилия правоохранительных органов штата Висконсин выяснить судьбу пропавшей девочки не удалось ни в 1947 году, ни в последующие годы. Судя по всему, Джорджия Веклер стала жертвой преступного посягательства и похитивший девочку негодяй сумел совершить почти идеальное убийство.

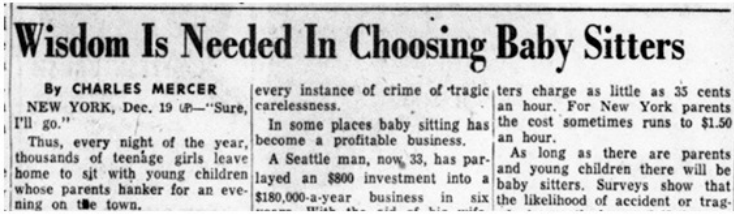
Следующее исчезновение произошло через два года и имело характер куда более трагичный.

Эвелин Хартли, не по годам серьёзная и ответственная 15-летняя девушка, 24 октября 1953 г. отправилась на подработку няней в дом семьи Расмусен в городе Ла-Кросс, штат Висконсин. Виго Расмусен (Viggo Rasmusen), глава семейства, являлся коллегой отца Эвелин — мужчины преподавали в Колледже штата в Ла-Кроссе. Во второй половине того дня Виго и его жена Меделин отправились на свадьбу сестры главы семейства и намеревались возвратиться к 21 часу.

Ричард Хартли, отец Эвелин, зная номер телефона дома, в который направилась дочь, позвонил в районе 22 часов, дабы узнать, как обстоят дела, и… крайне удивился, когда никто не поднял трубку. Он приехал к дому и ещё более удивился, когда увидел, что коттедж закрыт и явно пуст. Обойдя дом кругом и осмотрев в окна первого этажа, он к немалому сво-

ему ужасу заметил на полу одной из комнат… ботинок дочери и её очки. Надеясь, что дочь всё ещё находится в доме и, возможно, нуждается в помощи, отец, не вызывая полиции, разбил окно подвала и проник внутрь здания. Но дочери там не нашел. Дом был пуст.

Осматривая здание и прилегающую территорию, полицейские обнаружили следы крови на заднем дворе. Неясный кровавый отпечаток руки был оставлен на стене соседнего здания. Отпечатки окровавленных пальцев были обнаружены также и в доме Расмусенов. Помимо них в доме были найдены следы, указывавшие на произошедшую в нём борьбу, в частности, в подвале и на бетонной отмостке возле окна удалось обнаружить кровавые отпечатки спортивной обуви, явно оставленные преступником перед уходом из дома. В кустах, росших на заднем дворе, были обнаружены брюки похищенной девушки со следами крови, но без разрывов, а также её футболка. По-видимому, эти детали одежды забросил туда преступник при отходе от дома. Следов, способных указать место нахождения самой Эвелин, найти не удалось. Ребёнок, за которым должна была присматривать няня — это была девочка в возрасте двух с половиной лет — мирно спала в своей кроватке и не пострадала.



Wisdom Is Needed In Choosing Baby Sitters

By CHARLES MERCER

NEW YORK, Dec. 19 (AP)—"Sure, I'll go."

Thus, every night of the year, thousands of teenage girls leave home to sit with young children whose parents hanker for an evening on the town.

every instance of crime of tragic carelessness.

In some places baby sitting has become a profitable business.

A Seattle man, now 33, has parlayed an $800 investment into a $180,000-a-year business in six

ters charge as little as 35 cents an hour. For New York parents the cost sometimes runs to $1.50 an hour.

As long as there are parents and young children there will be baby sitters. Surveys show that the likelihood of accident or trag-

Одна из публикаций, посвящённых истории исчезновения Эвелин Хартли и анализу различных криминальных и конфликтных ситуаций, связанных с рынком услуг непрофессиональных несовершеннолетних нянь. Заголовок следует признать в высшей степени говорящим: «Выбор няни требует мудрости».

Полиции удалось восстановить последовательность событий, которые, видимо, развивались следующим образом: злоумышленник проник в дом через окно подвального помещения, куда спустилась Эвелин Хартли, очевидно, заметившая его. Борьба началась в подвале, затем переместилась в комнаты первого этажа. Не вызывало сомнений, что девушка отчаянно сопротивлялась: на это указывали не только потерянные ею очки и ботинок, но и опрокинутые предметы мебели, а также сдёрнутая со стола скатерть. В конце концов преступник сумел взять верх; живой или мёртвой он увёз свою жертву из дома, при этом входные двери он не откры-

вал и покинул дом также, как вошёл в него, то есть через одно из подвальных окон. Девушка также покидала дом через окно, хотя непонятно было, оставалась ли она в ту минуту в сознании или же преступник вытащил бесчувственное тело.

Время совершения преступления после анализа всех улик и известных данным окружной прокурор Джон Босхард (John Bosshard) отнёс к «раннему вечеру», то есть к 20 часам или чуть позже.

Анализируя обстоятельства этого происшествия, полицейские сделали два важных вывода: а) преступник, безусловно, имел машину, на которой подъезжал к дому и увозил девушку и б) он, скорее всего, был местным жителем, хорошо известным Эвелин Хартли. Тот факт, что девушка, став свидетелем проникновения злоумышленника в дом, не сделала попытки позвонить в полицию или убежать, а отправилась в подвал, чтобы образумить его, показался полицейским весьма красноречивым. Вор представлялся Эвелин до того безобидным, что девушка не побоялась вступить с ним в переговоры и была уверена, что сумеет договориться. Но она совершенно неверно оценила ситуацию. Детективы пришли к выводу, что целью проникновения преступника в дом являлась отнюдь не кража — поскольку нападавший ничего из вещей не взял — а сама девушка. Таким образом, спустившись в подвал, Эвелин в некотором смысле облегчила своему противнику задачу, попав прямо ему в руки.

По прошествии 3 дней окровавленные трусики Эвелин

были найдены под виадуком в 5 км от места похищения.

Спустя некоторое время, если точнее, то 31 октября, на обочине шоссе №14 на удалении 21 км от дома семьи Расмусен удалось отыскать важную улику. Это были кеды преступника — на них осталась кровь группы А [такую группу крови имела похищенная девушка], кроме того, отпечатки подошв совпали с теми, что удалось зафиксировать в подвале и на бетонной отмостке возле подвального окна дома, ставшего местом преступления.

Abductor's Shoes Found in Search for Missing Schoolgirl

By the Associated Press

LA CROSSE, Wis., Oct. 31.— The first real break in the week-old search for a pretty schoolgirl came today: Police Chief George Long announced searchers had found her abductor's shoes.

Chief Long said the tennis shoes were found along Highway 14, about 13 miles southeast of the city. He said they matched prints found in the blood-spattered yard of a home from which Evelyn Hartley, 15, was snatched a week ago.

Terming the find "one of the best clues we've had so far," the

Сообщение в газете от 31 октября 1953 года об обнаружении обуви похитителя Эвелин Хартли.

Город Ла-Кросс находится на границе штатов Висконсин и Миннесота, а потому логичным выглядело предположение, согласно которому похититель прибыл к дому Расмусена из

соседнего штата [т. е. Миннесоты] и туда же возвратился после совершения посягательства. В конце октября стало известно, что в городе Сент-Пол, располагавшемся на территории штата Миннесота в 220 км от Ла-Кросса, был задержан молодой человек, похитивший автомобиль в Висконсине и приехавший на нём в Миннесоту. Ряд соображений наводили на мысль о его проезде через Ла-Кросс. Чтобы проверить возможную причастность этого человека к похищению Эвелин Хартли была подготовлена группа детективов, которой предстояло отправиться в Сент-Пол для проведения допроса, однако в последнюю минуту последовала отмена поездки. Выяснилось, что на время похищения девушки этот человек имел наилучшее alibi из всех возможных — он находился в камере полицейского участка в Чикаго и при всём желании никак не мог очутиться в Висконсине.

По прошествии более чем полугода «законники» решились на довольно нетривиальный шаг — они решили провести тотальное дактилоскопирование местной молодёжи. То, что похищенная девушка спустилась в подвал навстречу преступнику, с большой вероятностью указывало на её знакомство с ним. Такое знакомство не обязательно должно было быть близким — Эвелин попросту могла его видеть на каких-то массовых мероприятиях, поскольку Ла-Кросс в середине 1950-х годов был городом сравнительно небольшим [таковым он остаётся и поныне].

С технической точки зрения задача отнюдь не казалась

непосильной — в городе было немного учебных заведений. Если точнее, то имелись две государственные средние школы — Центральная (Central) и Логан (Logan) — а кроме них — колледж штата (La Crosse State College) и Католическая средняя школа «Ла-Кросс-Аквинас» (La Crosse Aquinas High School). Если быть совсем точным, то имелось также учебное заведение послешкольного образования, т. н. Школа вокала и образования для взрослых, но там число учащихся было сравнительно невелико, менее 300 человек. Окружная прокуратура добилась согласия администраций всех учебных заведений на проведение добровольного дактилоскопирования и, начиная с 4 мая 1954 года, сотрудники криминалистического бюро штата в течение 2-х недель «обкатывали» «пальчики» почти 3 тысяч юношей в возрасте от 14 лет и старше.

Хотя от дактилоскопирования можно было отказаться, желающих сделать это практически не оказалось. Число отказников составило всего 14 человек и все они, разумеется, подверглись в последующем особенно тщательной проверке.

Результат этой прямо скажем нетривиальной криминалистической операции оказался совершенно несоразмерен затратам сил, средств и времени на её проведение. Ни одного человека из числа учащихся в городе Ла-Кроссе связать с похищением Эвелин Хартли не удалось.

Обескураживающий итог, что ещё можно тут сказать?

На этом расследование похищения Эвелин Хартли фак-

тически застопорилось.

Остаётся добавить, что места исчезновений Джорджии Веклер и Эвелин Хартли разделяли почти 200 км. Исчезнувших ничего не объединяло, кроме самого факта их загадочного исчезновения. Пропавшие так никогда и не были обнаружены; по состоянию на июдь 2026 года их судьбы остаются неизвестны, и заведённые на пропавших поисковые дела продолжают оставаться открытыми.

Помимо юных девушек исчезали и взрослые мужчины. В ноябре 1952 г. охотники Виктор Тревис и Рей Баргесс пропали вместе со своей машиной. В последний раз мужчин видели покупающими пиво в одном из магазинчиков городка Плейнфилд. Несмотря на масштабные поиски, никаких следов этих людей обнаружить так и не удалось.

Лесной край сохранил свою тайну на многие десятилетия.

Через два года — 8 декабря 1954 г. — исчезла Мэри Хоган, владелица небольшого паба в городке Пайн-Гроув, расположенном по соседству с Плейнфилдом. На полу её паба была найдена гильза от патрона 22-го калибра (5,59 мм), следы крови указывали на волочение тела. Они вели от стойки бара к задней двери паба и далее на автостоянку, где и обрывались. Паб не был ограблен; преступник даже не взял ничего из спиртного, что казалось совсем уж странным. Было естественно предполагать, что убитая (или раненая) Мэри Хоган оказалась увезённой на машине, но кем и для чего это было сделано, так и осталось загадкой.

Все эти преступления, хотя и были разделены значительными промежутками времени и имели на первый взгляд мало общего, тем не менее вполне могли быть объяснены действиями одного и того же лица. Обращала на себя внимание география тех мест, где происходили исчезновения людей: все упомянутые населённые пункты — Пайн-Гроув, Ла-Кросс, Плейнфилд — хотя и были разделены значительными расстояниями, располагались в местностях сравнительно малонаселённых, в которых появление незнакомых людей или машин обычно не остаётся незамеченным жителями. Между тем ни в одном из вышеназванных преступных эпизодов в рассказах свидетелей и соседей таковые ни разу не фигурировали. Тот факт, что всякий раз преступник (или всё же преступники?) оставался незамечен, по сути, означал лишь то, что он не привлекал к себе внимания, другими словами, он был хорошо знаком жителям и казался абсолютно безобидным.

В 1957 г. сезон охоты на оленей в штате Висконсин открывался 16 ноября. Для службы окружных шерифов этот день выдался очень напряжённым — её сотрудникам пришлось проверять охотничьи лицензии и документы на оружие у большого числа желающих поохотиться в первый день сезона.

Фрэнк Уорден, один из помощников шерифа округа Плейнфилд, освободился только вечером и заехал в магазин скобяных товаров, принадлежавший его матери, около

21.00. Он планировал забрать мать — Бернис Уорден — и отвезти её домой на своей машине. К немалому своему изумлению помощник шерифа обнаружил, что магазин пуст.

Магазин скобяных товаров Бернис Уорден в г. Плейнфилд, сфотографированный с разных точек. Вверху справа — снимок, сделанный работником криминалистического бюро штата утром 17 ноября 1957 г. В левом нижнем углу этой фотографии можно видеть след крови Бернис Уорден — именно на этом месте она была застрелена накануне вечером. Два фотоснимка внизу являются кадрами небольшого телевизионного репортажа, показанного по местному телевидению спустя неделю после описываемых событий. Нижняя фотография справа интересна тем, что на ней можно ви-

деть крыльцо, через которое преступник вынес к своей машине тело убитой им женщины.

Входная дверь оказалась почему-то заперта изнутри, а черный выход, ведущий на грузовое крыльцо, напротив, открыт. Когда Фрэнк Уорден вошёл через него в магазин, то обнаружил некоторый беспорядок и следы крови на полу. Кроме того, исчез кассовый аппарат. Последнее обстоятельство наводило на вполне очевидную мысль об ограблении.

Фрэнк немедленно позвонил своему прямому начальнику — окружному шерифу Артуру Шлею — и сообщил о происшествии.

Дожидаясь приезда шерифа, Фрэнк Уорден приступил к планомерному осмотру магазина. На полу позади прилавка рядом с небольшим пятном, очень напоминавшим кровавое, он заметил скомканную бумажку, оказавшуюся квитанцией на покупку, не до конца заполненную рукой матери. Очевидно, в момент нападения Бернис Уорден заносила в квитанцию результат последней сделки. Таковой оказалась продажа литровой бутыли антифриза. И с большой долей вероятности можно было предполагать, что напал на продавщицу именно последний покупатель.

Когда к магазину скобяных товаров подъехал окружной шериф в сопровождении ещё одного своего помощника — Арнольда Фрица — Фрэнк Уорден был уверен, что уже может назвать имя напавшего на его мать человека. Во вся-

ком случае он хорошо помнил, что накануне вечером один из постоянных посетителей магазина местный дурачок Эдвард Гейн интересовался ценой литровой бутылки антифриза. Кроме того, он пытался уговорить Бернис Уорден назначить ему свидание. Бернис иронизировала над своим неловким и бестолковым ухажёром, который был известен всей округе как мужчина, в общем-то, неплохой и беззлобный, но явно не ладящий с головой.

Бернис Уорден. Перед нами, пожалуй, единственная известная сейчас фотография этой женщины.

После осмотра магазина и короткого совещания с помощниками Артур Шлей признал доводы Фрэнка Уордена вполне логичными и согласился навестить Гейна, дабы проверить его alibi.

Эдвард Теодор Гейн жил в полном одиночестве на сто-

явшей особняком ферме в шести милях от Плейнфилда, в то время совсем небольшого городка с числом жителей менее семи сотен человек. Площадь земельного участка, которым владел Гейн, составляла 195 акров — чуть менее 80 гектаров, что не очень-то много по американским меркам. Почва была плохой — глина да песок — потому разбогатеть ни родителям Гейна, ни ему самому так и не удалось. Но действовавшая при президенте США Эйзенхауэре федеральная программа консервации сельскохозяйственных земель предоставила Гейну замечательную возможность отказаться от нудной и неперспективной работы в поле и жить на государственную ренту. Он, разумеется, так и поступил. Своё свободное время Эдди посвящал тому, что колесил по округе, выискивая возможность подработать, либо проводил его в разного рода местных забегаловках; хотя Гейн почти и не пил, но любил побыть в компании, послушать, что говорят люди. Типичный мужик-одиночка, бобыль, как называют таких в России.

Ферма Гейна не имела канализации и водопровода, электричество вырабатывалось стареньким дизель-генератором. Поздним вечером 16 ноября 1957 г. она была погружена во тьму и выглядела крайне неприветливо.

Убедившись, что на ферме никого нет, шериф с заместителями решил объехать соседей Гейна. Все прекрасно знали, что несмотря на свой маленький рост и кажущуюся беззащитность, Эдди был очень сильным мужчиной, способным

выполнять самую тяжёлую и изнурительную работу лучше многих признанных местных силачей. Окрестные фермеры частенько предоставляли Гейну работу, и вполне могло оказаться, что он находился в тот момент у кого-то из них. На охоту Эд Гейн отправиться никак не мог: не составляло секрета, что он никогда не охотился, поскольку боялся вида крови. Вообще, сострадательность и доброта Гейна были известны многим, знавшим его; некоторые из фермеров даже приглашали Эдварда во время уборочной страды посидеть с их малолетними детьми.

Решение поискать Гейна у соседей оказалось на редкость продуктивным. Еще до 23:00 его старенький «ford» удалось обнаружить во дворе одной из соседских ферм. Эд Гейн после обильного ужина мирно спал в кабине машины. Он выглядел по-настоящему потрясённым, когда шериф растолкал его, а Фрэнк Уорден схватил за ворот и закричал в самое ухо: «Придурок! Куда ты увёз мою мать?!»

Эд Гейн был явно испуган и затравленно молчал. Начиная с этого момента он не проронил ни слова на протяжении более чем 30-ти часов; он не просил ни есть, ни пить, даже о необходимости выйти в туалет не заикался… На самом деле нетрудно понять, почему он так упорно молчал: неуместной фразой Гейн боялся спровоцировать бессудную расправу окружающих над собою.

Хозяева фермы рассказали шерифу, что Эд Гейн появился немногим позднее 21:00, поужинал и отправился спать в

машину; ничего подозрительного в его поведении они не заметили.

Хотя Фрэнк Уорден и накричал на Гейна, обвиняя его в похищении матери, на самом деле никаких серьёзных оснований связывать её исчезновение именно с Эдвардом на тот момент не существовало. Интуиция и пара совпадений представлялись всё же малоубедительным и как minimum недостаточным поводом для выдвижения столь серьёзного обвинения. По здравому рассуждению шериф Арт Шлей объявил о задержании Эда Гейна по подозрению в похищении кассового аппарата. Шериф распорядился, чтобы его помощник Арнольд Фриц отвёз задержанного в здание службы окружного шерифа и посадил его там под замок до утра. В силу очевидных соображений Шлей не хотел оставлять Фрэнка Уордена наедине с задержанным, и потому конвоиром был назначен именно Фриц. Сам шериф в сопровождении Уордена решил поехать на ферму Гейна и поискать кассовый аппарат там.

Если бы только шериф мог предположить, что именно они увидят на ферме Эда Гейна, он никогда бы не взял с собой в эту поездку Фрэнка Уордена!

Надворные постройки фермы состояли из довольно большого деревянного двухэтажного дома, амбара (пустовавшего уже много лет), сарая для инструментов, курятника и пристроенной к дому летней кухни.

Дом Эдварда Гейна и пристроенная к нему летняя кухня.

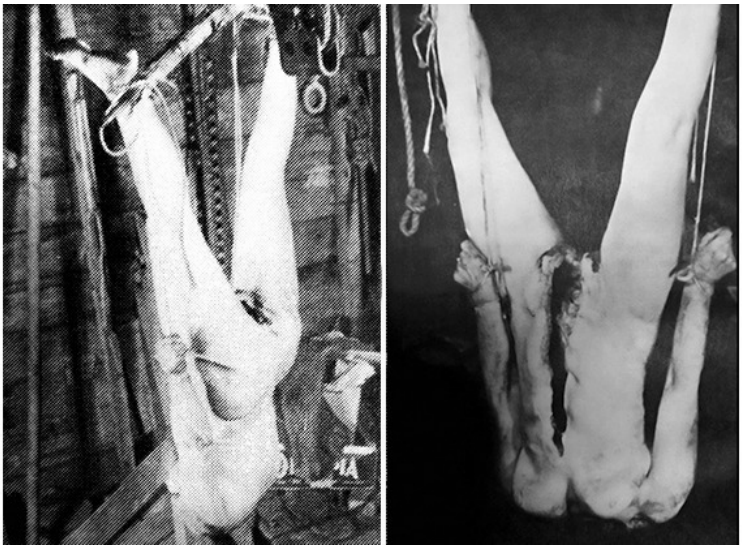
Бегло осмотрев сарай, курятник, амбар и не обнаружив там ничего подозрительного, Шлей и Уорден вошли в жилой дом. На первом его этаже находились большая гостиная, две спальни (дверь в одну из них оказалась не только запертой на замок, но и опечатанной сургучом; этот момент получил своё объяснение в дальнейшем) и кухня. Дверь на лестницу,

ведущую на второй этаж, оказалась заколочена гвоздями.

Едва переступив порог дома, Шлей и Уорден почувствовали отвратительную смесь запахов. В стоялом воздухе холодного дома явственно чувствовалась вонь прокисшей пищи, грязного белья и разлагающейся плоти. Арт Шлей впоследствии признавался, что войдя в дом Гейна, сразу подумал о крысах, сдохших под полом и за плинтусами после потравы. Это было обычное явление для домов в сельской местности. Шериф ходил по дому, частично освещённому неровным лунным светом, и периодически включал фонарик, рассматривая тёмные углы.

Кассового аппарата нигде не было видно.

Войдя в кухню, шериф и его помощник остановились у порога. Их внимание сразу же привлекло тело, подвешенное посреди помещения на верёвках. Сначала каждый из них решил, что видит перед собою тушу оленя, но стоило осветить её фонарём, как стало ясно, что перед ними нагое женское тело. Причём выпотрошенное и без головы. Ещё через секунду Фрэнк Уорден опознал в подвешенном теле свою мать — Бернис.



Обезглавленное тело Бернис Уорден, подвешенное в кухне дома Эдварда Гейна. Убийца отрезал своей жертве голову, взрезал живот и извлёк кишки. Чтобы максимально обескровить тело, подвязал руки кистями вверх. Последнее явно указывало на намерение убийцы обеспечить наилучшую сохранность мягких тканей трупа и в дальнейшем послужило одним из доказательств каннибализма Гейна.

Но увиденное оказалось отнюдь не единственным ужасным открытием, сделанным ими в те мгновения. В свете ручного фонаря Шлей и Уорден заметили в супнице, стоявшей на кухонном столе, почерневшие клёцки. При ближайшем

рассмотрении стало ясно, что это никакие не клёцки, а тронутые разложением и частично мумифицированные человеческие носы. Их было четыре…

Шериф вывел из дома своего шокированного помощника и усадил в машину. По полицейской связи он обратился к шерифам соседних округов и в управление полиции штата с просьбой о помощи.

К тому моменту, когда к ферме Эдварда Гейна стали съезжаться автомашины службы шерифов и полиции, Шлей сумел запустить дизель-генератор. При электрическом освещении жилище Эда приобрело вид ещё более пугающий и отталкивающий, нежели в лунном свете.

В гостиной по стенам висели, подобно оленьим головам или иным охотничьим трофеям, маски, изготовленные из настоящих человеческих лиц. Всего таких масок оказалось девять; в прошлом они принадлежали женщинам. На мебели в гостиной была разложена одежда, сшитая из грубо дублёной человеческой кожи: жилетка, двое штанов, куртка с рукавами, браслеты и пояса. На куртке явственно проступали ореолы крупных сосков, из чего можно было заключить, что эта кожа также некогда принадлежала именно женским телам.

Гостиная и кухня в доме Эдварда Гейна. В помещениях царил хаос, владелец жилья явно не утруждал себя борьбой за чистоту и порядок.

К двум часам ночи 17 ноября 1957 г. на ферме Эдвар-

да Гейна собрались уже большие силы блюстителей правопорядка. Прибыли фотографы и судебные медики из службы коронера, окружной прокурор, появились приглашённые понятые. Начался многочасовой тщательный обыск, по мере продвижения которого становились очевидны всё новые кошмарные детали того безумия, в котором пребывал (и, видимо, уже давно!) «тихий дурачок» Эдвард Гейн.

Почти сутки эксперты из центрального криминалистического бюро в Мэдисоне консервировали и вывозили в специальных судках из дома Гейна различные органические ткани и человеческие органы.

Основными результатами этого обыска явились следующие заключения.

1) Осмотр запечатанной спальни и пяти комнат второго этажа однозначно свидетельствовал, что эти помещения были закрыты очень давно, скорее всего, много лет назад и за прошедшее время никем не посещались. В спальне оставались предметы женского туалета; с уверенностью можно было считать, что она принадлежала матери Эдварда — Августе Гейн, умершей в декабре 1945 г. Вся жизнь Гейна была сосредоточена в гостиной, кухне и второй спальне первого этажа. Закрытые помещения не содержали никаких свидетельств совершения каких-либо преступлений владельцем дома.

Некоторые из находок, сделанные во время обыска в доме Гейна. Вверху: человеческие соски. Внизу: одна из масок, сделанная из человеческого лица, десятая по счёту, найденная на антресолях.

2) Внимание криминалистов привлекли книги, а также вырезки из газет и журналов, обнаруженные в доме. Все публикации затрагивали три темы, несомненно, сильно занимавшие того, кто собирал их: а) преступления нацистов в концлагерях; б) женская анатомия; в) преступления, связанные с расчленениями трупов, снятием скальпов и тому подобными вещами. В последнюю категорию попадали книги о пиратах Карибского бассейна и американских индейцах. Какая-либо иная литература в доме Эдварда Гейна отсутствовала. По тому, как были истёрты вырезки, можно было заключить, что все они подвергались внимательному изучению.

3) Была восстановлена последовательность манипуляций Эда Гейна с телом Бернис Уорден. Женщина была убита выстрелом в голову из пистолета 22-го калибра. Труп преступник привёз в кузове своего «пикапа» вместе с кассовым аппаратом и перенёс свою добычу в сарай. Там на слесарном столе Гейн отделил голову женщины от тела и отнёс в свою спальню, где и спрятал в кровати между двумя матрасами.

Из тела женщины преступник извлёк кишечник и сердце, которое было найдено в кастрюле на кухонном столе. Это дало основание подозревать употребление Эдвардом Гейном человеческого мяса в пищу. Само тело Бернис Уорден преступник перенёс в кухню и подвесил за лодыжки и запястья к потолку. Кассовый аппарат Гейн бросил в сарае. Очевидно, он предполагал заняться им попозже. Во всяком случае

отделение для денег не было взломано, и в нём оставались 42 $ — выручка последнего дня работы магазина скобяных изделий Бернис Уорден.

4) Один из стульев, стоявший на кухне и явно неоднократно использовавшийся по своему прямому назначению, был «украшен» большим куском человеческой кожи, имитировавшей классическую кожаную обивку. Не вызывало сомнений, что создатель этого странного предмета мебели, очень старался сделать вещь нарядную и долговечную, кожаную накладку он прибил к сиденью 28 (!) блестящими декоративными гвоздями.

5) На стенах гостиной, подобно охотничьим трофеям, были развешены девять масок, изготовленные из женских лиц. На некоторых ещё сохранились следы косметики. Кроме масок на стенах, была обнаружена ещё одна — десятая по счёту — помещённая в стеклянную банку, закрытую полиэтиленовой плёнкой; банка эта находилась в сумке на антресолях. В этой же сумке, помимо банки с маской, были уложены и некоторые отдельные фрагменты человеческих тел.

6) Кроме упомянутой сумки, были обнаружены две коробки из-под обуви, в которых находились фрагменты женских половых органов в состоянии достаточно сильного гнилостного разложения; помимо этого, четыре пары человеческих губ были нанизаны гирляндой на суровую нитку подобно тому, как это делают с грибами при сушке.

Стул, для украшения которого Эд Гейн использовал большой кусок человеческой кожи.

7) Внимание криминалистов привлекла ещё одна мрачная находка: на кухне Гейна находился череп, распиленный выше надбровных дуг. Внутри отделённой крышки черепа остались следы пищи; было очевидно, что Гейн пользовался ею как тарелкой. Череп, служащий элементом столового набора, невольно укреплял в мысли о возможном людоедстве преступника.

Гейна забрали из офиса шерифа в Ла-Кроссе и перевезли в тюрьму в городке Ваутома, графство Джейлхаус.

Полицейские, сменяя друг друга, пытались разговорить арестованного. Получилось это совершенно неожиданно: после тридцатичасового допроса один из сотрудников поли-

ции бросил в сердцах Гейну: «Ты — мелкий воришка!» Тот встрепенулся и неожиданно ответил: «Нет, я не вор! Я забрал кассу только для того, чтобы посмотреть, как она устроена!» Простодушие услышанного поразило присутствовавших.

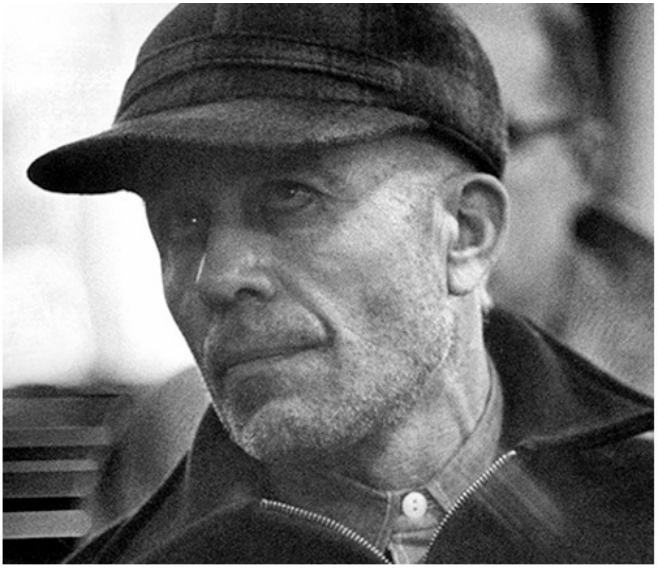
В тот же день — 19 ноября — Эдвард Гейн признал себя виновным в убийстве Бернис Уорден. Он сказал, что плохо помнит детали, поскольку с ним такое иногда случается: находит оцепенение, окружающее делается неясным, и он совершает поступки, о которых потом мало что может сказать. Сам он признавал, что это состояние — суть бесовская одержимость — и от неё помогала только молитва. Но в день убийства миссис Уорден молитва не помогла, и Гейн сказал, что помнит, как выстрелил в женщину и перенёс её тело в грузовичок. Зачем он это сделал, преступник объяснить не смог.

Череп, распиленный выше надбровных дуг, использовался хозяином дома то ли как посуда, то ли украшение.

Гейна стали спрашивать об остальных телах, ведь его дом оказался заполнен разными фрагментами человеческих тел! И тут он опять поразил полицейских: Гейн поклялся, что не убивал никого, кроме Бернис Уорден, а всё то, что было найдено в его доме, принадлежало телам… выкопанным на кладбищах графства. К этому времени сыщики уже знали, что чтение раздела некрологов в местных газетах было одной из страстей преступника: самые разные свидетели утверждали, что подобные заметки Эд Гейн нередко читал вслух в

местных салунах. Допрашивавшие не поверили Гейну, и тот предложил полицейским проехать вместе с ним по местным кладбищам, дабы он мог показать могилы, которые раскапывал.

Эдвард утверждал, что выкапывал женские тела на следующую же ночь после захоронения, пока они не успевали подвергнуться сильному разложению. Он клятвенно уверял, что никого не убивал, кроме Бернис Уорден, не совершал никаких сексуальных манипуляций с телами, не употреблял человеческое мясо в пищу. Все его заверения воспринимались до поры скептически, но после того, как Гейн совершил-таки поездку с помощником прокурора и полицейскими по окрестным кладбищам и на четырёх из них без малейших колебаний показал девять женских захоронений, из которых он якобы извлекал тела, к нему прислушались. Руководство графства Ла-Кросс по представлению окружного прокурора Эрла Кайлина направило губернатору штата Висконсин запрос о разрешении массового вскрытия захоронений с целью проверки утверждений Эдварда Гейна. Ввиду очевидного сильного общественного резонанса дело принимало характер почти политический, и такого рода мероприятие требовало согласования на самом высоком уровне.



Гейн в первые дни после задержания. Раздражаясь от внимания репортёров, арестованный закрывал лицо руками — таких снимков известно сейчас довольно много.

Поскольку Гейн сообщил только о девяти случаях раскопки могил, оставалось не выяснено происхождение фрагментов прочих тел, обнаруженных в его доме. По самым грубым и благоприятным для Гейна подсчётам получалось, что в его доме произошло расчленение по меньшей мере 15-ти человеческих тел (9 масок из женских лиц на стенах гостиной, десятая — в банке, спрятанной в саквояже на антресолях, четыре носа и четыре пары губ — это ещё не менее четырёх тел, пятнадцатое — Бернис Уорден). Значило ли это, что остальных людей преступник убивал, или же он действительно забыл, каким образом раздобыл тела? Ответ на этот вопрос, казалось, был получен, когда в одной из десяти масок, изготовленных из человеческих лиц, была опознана… Мэри Хоган, та самая владелица бара, что исчезла бесследно еще 8 декабря 1954 г.

Криминалисты почти не сомневались, что она была убита (в её баре на полу была найдена кровь). И сделал это, скорее всего, именно Гейн, хотя он истово утверждал, что не совершал этого. После продолжительного бесплодного допроса преступнику предложили проверку на полиграфе. Он согласился, и детектор лжи убедительно показал, что Гейн повинен в гибели Мэри Хоган. Когда Эдди сообщили о резуль-

татах проверки, он подумал какое-то время, а потом сознался в том, что действительно совершил это преступление. Но при этом продолжил с невероятным упорством твердить, что не совокуплялся с женскими трупами и не употреблял человеческое мясо в пищу.

Итак, к 23 ноября 1957 г. стало ясно, что убийство Бернис Уорден — отнюдь не первое, совершённое Эдвардом Гейном.

Все девять указанных Эдвардом Гейном захоронений появились в период до 1953 г. А в декабре следующего года некрофил совершил убийство Мэри Хоган. Значило ли это, что он перестал раскапывать могилы потому, что переключился на убийства? Отсутствие в доме скелетов и сколь-нибудь крупных фрагментов тел женщин, извлечённых из могил, Эд Гейн объяснял тем, что все ненужные ему останки он в течение ночи закапывал обратно. Это утверждение нельзя было считать абсолютно достоверным до тех пор, пока Губернатор штата не санкционировал вскрытие могил, но по крайней мере оно хоть как-то объясняло отсутствие тел в доме некрофила. Но если после 1953 г. Гейн переключился на убийства, то как он избавлялся от тел в этом случае? Ведь раскопанных могил в его распоряжении уже не было… Ответ напрашивался сам собой — Гейн выкапывал новые могилы. И очевидно, не на кладбище.

Эрл Кайлин, прокурор округа Ла-Кросс, возглавил расследование преступлений Эда Гейна.

Руководствуясь этими соображениями, полицейские 22 ноября приступили к перекапыванию участка земли, принадлежавшего Гейну. Работа была проделана колоссальная, а её результатом явилось обнаружение 29 ноября крупного скелета. Окружность черепа найденного скелета превышала размеры всех масок из человеческих лиц в доме Гейна. Не дожидаясь официального оглашения заключения криминалистов, сыщики предложили прессе свою версию: поскольку в последние годы в этих местах исчезли только двое муж-

чин — Тревис и Баргесс — причём найденный скелет своими антропометрическими характеристиками соответствовал именно второму (Баргесс был выше среднего роста), то Гейн повинен в смерти как этого человека, так и его спутника. Было ещё одно косвенное соображение, укреплявшее сыщиков во мнении о правильности сделанных выводов: на одном из зубов неизвестного черепа была золотая коронка, а в описании особых примет Баргесса как раз было упоминание золотой коронки на зубе. Но если Эдди действительно убил его, то, стало быть, и другие исчезновения людей в округе, скорее всего, связаны именно с Гейном.

Преждевременность такого заявления со всей очевидностью проявилась уже через два дня, когда руководитель криминалистической лаборатории Чарлз Вильсон огласил официальное заключение исследования найденного скелета.

Оказалось, что к Рею Баргессу находка не имела ни малейшего отношения: найденные останки принадлежали женщине. Когда у самого Гейна спросили, чей скелет он похоронил в саду, то некрофил лишь улыбнулся и заявил, что не всех относил на кладбище, кое-кому он отыскал уголок и в собственном огороде. Скелет, по его словам, принадлежал одному из тел, выкопанных на кладбище.

Гейну не поверили, и в первых числах декабря был проведён новый большой допрос преступника с применением детектора лжи. На этот раз спектр вопросов, заданных ему, был гораздо шире, чем на первом допросе. Гейна спрашива-

ли и о его каннибализме, и о целях манипуляций с телами, и о возможном совокуплении с трупами, и тому подобных вещах. Смысл полученных тогда ответов будет разъяснён ниже, пока же стоит отметить, что Гейн успешно прошёл вторую проверку на полиграфе; его ответы и объяснения были сочтены достоверными, и полиция более не выдвигала официальных обвинений в его адрес в том, что он причастен к исчезновениям людей в 1947—1952 гг.

Руководитель криминалистического бюро в Мэдисоне Чарлз Вильсон.

После недельных колебаний Губернатором штата было подписано постановление, санкционировавшее, по сути, массовое вскрытие могил в целях проверки информации о возможном надругательстве над телами покойных. Прокурор графства официально уведомил о предстоящих мero-

приятиях близких тех женщин, чей прах предполагалось потревожить, и после этого умолчание о ходе расследования сделалось просто бессмысленным. Если в первые дни после ареста Гейна лишь соседи глазели на возню полиции в доме преступника, то после 25 ноября к его ферме началось настоящее паломничество. Гейн попал в сводки национальных новостей, Плейнфилд и Ла-Кросс наводнили репортёры не только американские, но и европейские, и даже австралийские. За полицейским ограждением круглые сутки стояли зеваки и журналисты, рассчитывавшие стать свидетелями рождения новой сенсации.

И, разумеется, у всех — приезжих и местных жителей, полицейских и психиатров, мужчин и женщин, детей и взрослых — на устах был один и тот же вопрос, который звучал в те дни в различных интерпретациях постоянно: каким же должен быть человек, чтобы решиться на такое?! И в самом деле, каким же должен был быть Эд Гейн, чтобы выкапывать женские тела из могил, снимать с них кожу и закапывать обратно?

Родился Эдвард Теодор Гейн 27 августа 1906 г. Он был младшим ребёнком в семье Джорджа и Августы Гейн; старший брат Генри появился на свет 4 января 1902 г. Семью Гейнов вряд ли можно было назвать благополучной — сильная властная супруга держала в «ежовых рукавицах» как супруга, так и детей. Попытки ведения семейного бизнеса оказались неудачны: в период 1909—1913 гг. Джордж и Августа

пытались торговать мясными и бакалейными товарами в Ла-Кроссе, но, понеся убытки, продали магазинчик и переехали на ферму в 40-ка милях от городка.

QUESTIONED IN SLAYING—Ed Gein, Plainfield (Wis.) handyman, is shown at the Wisconsin State Crime Laboratory in Madison, where he was ques-

ENTERS INSANITY PLEA — Butcher-ghoul and slayer, Ed

Ещё до конца ноября Эд Гейн стал известен всей Америке: его фотографии появились в сотнях газет и в телевизионных репортажах, а имя и фамилия звучали во всех выпусках новостей коммерческих радиостанций. Слева можно видеть фотографию Гейна, опубликованную газетой «Evening star» 20 ноября 1957 года, справа — из выпуска газеты «Arizona sun» от 28 ноября того же года. Если бы Гейн искал славы, то он мог бы собой гордиться, вот только слава его совершенно не интересовала.

Вся последующая жизнь этой семьи целиком была связана с этой фермой. Отец Эдварда постепенно спивался и превратился под игом жёсткой, бескомпромиссной супруги в тихого алкоголика. Попытки жить фермерским трудом оказались малорезультативны из-за плохой почвы; со второй половины 30-х годов братья стали наниматься в батраки к более преуспевающим соседям. Августа Гейн была лютеранкой, и это ставило всю семью несколько особняком среди остальных жителей округи.

Когда же братья пошли в наёмные рабочие, ощущение отчуждённости только возросло. Старший из братьев — Генри — этого очень тяготился. Он, вообще, казался более развитым, чем Эдвард, и острее чувствовал ненормальность всё более явного отрыва семьи от окружающего мира. Братья так и не женились; все знавшие эту семью сходились во мнении, что виной этому была совершенно необычная ненависть к женщинам, проявляемая по поводу и без повода Августой Гейн. Для неё всё связанное с женщинами, полом и сексом было, безусловно, порочным и блудливым. И если Эдвард смотрел на мать с восхищением и внимал её словам без рассуждений, то Генри позволял себе оспаривать её суждения.

После смерти Джорджа Гейна, последовавшей 1 апреля 1940 г., мир в семье не только не наступил, но, напротив — рассыпался окончательно. В период 1940—1944 гг. Генри несколько раз уезжал из дома на заработки довольно далеко

и надолго, казалось, ему невыносимо находиться под одной крышей с домашним тираном в лице собственной матери. Скорее всего, какие-то скандалы происходили и в самой семье за закрытыми дверями; сейчас об этом можно говорить лишь в предположительной форме.

Августа и Джордж Гейн, родители Эда.

Эти скрытые от мира внутрисемейные драмы, как считало большинство соседей Гейнов, привели к первой смерти: в 1944 г. Генри погиб при обстоятельствах, до конца так и не выясненных. По рассказам Эдварда, братья занимались выжиганием прошлогодней травы в поле, когда огонь вышел из-под контроля и охватил Генри. Эдвард утверждал, что потерял брата из виду и помчался за помощью, когда же ему удалось собрать нескольких фермеров и они прибыли в поле, огонь уже затух. Фермеры разбрелись в разные стороны в поисках Генри, а Эдвард отправился прямиком на другой конец поля и сразу же наткнулся на тело. Труп не казался сильно обгоревшим, и было непонятно, почему человек, находившийся на краю поля, не смог отступить от огня. Фермеры, прибывшие в тот день 16 мая 1944 г. на помощь Эдварду Гейну, говорили потом, что лицо Генри носило как будто бы следы побоев, но объективных тому свидетельств не осталось, и вполне может быть, что эти слухи родились под впечатлением разоблачения последующих преступлений Эдварда. Сам же Эд никогда не признавал себя виновным в гибели старшего брата. Официально было признано, что Генри Гейн погиб 16 мая 1944 г. в результате несчастного случая.

В январе 1945 г. с матерью Эдварда Гейна — Августой — случился апоплексический удар. Казалось, женщина не имеет шансов выжить. Но забота ласкового и внимательного сына вернула женщине силы — к лету 1945 г. она встала с

кровати и вновь сделалась несгибаемой Августой без чувств и эмоций. К несчастью для Эда уже 29 декабря 1945 г. произошёл второй удар, и Августа Гейн умерла.

Уже в 1957 г. соседи Эдварда припомнили, что на похороны Августы никто из них не пришёл; да что там соседи, вообще никто не пришел! Уже к этому моменту Гейн, фактически, оказался исключённым из сообщества равных ему людей — он сделался изгоем, человеком, по-настоящему чужим всем.

Впоследствии Эдвард Гейн рассказал, что именно в день похорон Августы он запечатал дверь её спальни и заколотил гвоздями лестницу, ведущую на второй этаж дома. Это был очень символический шаг — Эдвард отрезал от себя своё прошлое, в котором он был «маменькиным сынком», «слабаком» и «недоумком». Именно 1 января 1946 г. он сделался, наконец, Эдвардом Теодором Гейном.

Эд Гейн никогда не входил в комнату матери и она осталась единственным местом в доме, где царил порядок.

Он никогда не был слабоумным в бытовом понимании этого слова. Все люди, знавшие его лично, сходились в том, что ему был присущ необычный юмор; не то чтобы заразительно смешной, но не лишённый едкой ироничности и своеобразия. Оставшись совсем один, Эд словно потянулся к людям: в 1949 г. он купил подержанный автомобиль «ford», на котором немало поколесил по дорогам штата, заговаривая и знакомясь с самыми разными людьми, проводя свободные от работы вечера в местных салунах. Он никогда не становился центром компании, но иногда мог позабавить присутствующих каким-нибудь любопытным рассказом на истори-

ческие темы. Обычно это были рассказы о зверствах пиратов в морях Карибского бассейна либо повествования об ужасах нацистских концлагерей. В самой тематике этих рассказов многие усматривали некий особый чёрный юмор; в то время ещё никто не мог догадаться, что в них на самом деле раскрывается подлинный дух Гейна; этими интересами, пожалуй, и исчерпывалась вся личная жизнь Эдварда.

Федеральная программа консервации сельскохозяйственных земель избавила его от необходимости возделывать поля, и начиная с пятидесятых годов Эдвард жил, практически не работая на собственной ферме. Питался в эти годы он бессистемно и заметно похудел, но при всём том по-прежнему оставался очень силён физически. Хотя Гейн имел невысокий рост, он был на удивление крепок, и ему никто не боялся поручать тяжёлую грубую работу. Вместе с тем в натуре этого человека, его манерах проскальзывало нечто удивительно женское, нечто такое, что было очень трудно описать и объяснить. Так, например, Гейн, как прирождённая нянька, никогда не уставал от общения с детьми, и, пусть это не покажется странным — его иногда приглашали для того, чтобы он мог посидеть с детишками во время отсутствия родителей. Когда история с обнаружением женских останков в его доме вышла наружу, к шерифу явились несколько человек, которые рассказали о том, что Гейн приглашался в их дома для контроля за детьми.

Когда полиция стала интересоваться тем, как общался

Гейн с детьми и подростками, стали известны факты действительно необыкновенные. Оказалось, что всегда тихий и застенчивый Эдди, общаясь с детишками, просто преображался: он рассказывал им романтические истории из жизни пиратов и индейцев, и рассказы эти изобиловали подробностями пыток и издевательств над пленными. Гейн рассказывал о снятых скальпах, расчленённых телах, изнасилованных пленницах и прочих невероятных, с точки зрения детей, вещах. Понятно, что от такой небывальщины у мальчишек дух захватывало.

Следует отметить, что никакого сексуального подтекста в рассказах Эда никогда не существовало — это признавали все допрошенные во время следствия свидетели [как взрослые, так и дети].

Пара снимков, сделанных во время обыска дома Гейна. Вверху: сотрудник службы шерифа осматривает музыкальные инструменты — дешёвую скрипку и губную гармошку. Внизу: криминалист выносит стул, сиденье которого было обтянуто человеческой кожей.

Однажды Гейн предложил соседскому мальчику посмотреть настоящий человеческий скальп — мальчик, разумеется, согласился. Они съездили на машине Эдди к нему домой, и там мальчик увидел висящими на стенах те самые маски, изготовленные из женских лиц, что поразили в ноябре 1958 г. даже взрослых полицейских. Потрясённый увиденным ребёнок поинтересовался у Эдварда: откуда всё это? Простодушным вопросом мальчик поставил себя в очень опасное положение — он показал преступнику, что понял запретность увиденного. Гейн, к счастью, не запаниковал, а безо всяких затей объяснил, что маски эти — подлинные и остались со времён прадедушки-пирата. Выражение «к счастью» употреблено здесь в самом что ни на есть прямом смысле; если бы Гейн растерялся и не смог дать мальчику удовлетворительного ответа, то, скорее всего, он бы его просто убил как опасного свидетеля.

Мальчик полученным ответом удовлетворился, но рассказал впоследствии об увиденном друзьям и родителям. Ему никто не поверил, но заинтригованные сверстники решили проверить услышанное. Через какое-то время два старших

мальчика проникли в дом Гейна во время его отсутствия и поняли, что всё, сказанное о масках из человеческих лиц, правда. В ужасе они бежали из страшного дома и рассказали об увиденном довольно большому числу взрослых: родителям, другим родственникам, учителям, соседям, даже местному священнику. Примечательно, что мальчишкам никто не поверил. Взрослые решили, что причиной детских страхов явились маски для helloween'а и слишком богатое воображение.

Может показаться удивительным, но уже к середине пятидесятых годов многие жители Плейнфилда слышали подобные рассказы об Эдварде Гейне, но совершенно не придавали им значения, считая их сплетней. Как точно установила полицейская проверка, некоторые даже прямо спрашивали самого Гейна о «чертовщине, развешанной у него по стенам», на что тот никогда ничего не опровергал, а лишь с улыбкой пожимал плечами. Не подлежит сомнению, что если бы соседи Гейна и местный шериф повнимательнее отнеслись к рассказам детей и постарались бы проверить подозрительную информацию, то и Мэри Хоган, и Бернис Уорден остались бы живы.

Эдвард Гейн находился в тюрьме в Ваутоме с 19 по 23 ноября 1958 г. После этого его было решено направить на психиатрическое освидетельствование в Центральную государственную клинику штата Висконсин в городке Ваупун. Всем было ясно, что никто лучше психиатров не расскажет о мо-

тивации поступков Гейна.

Пара снимков, представляющих собой кадры киносъёмки, проведённой во время обыска дома Эда Гейна. Вверху: голова Бернис Уорден, обнаруженная в спальне хозяина дома. Внизу: старый чемодан с тремя фрагментами двух женских ног.

Очень подробно психиатрическую экспертизу по «делу Гейна» описал известный американский криминолог Гарольд Шехтер в своей необыкновенно интересной книге «Девиант», целиком посвящённой личности этого преступника.

Огромное влияние на формирование Эдварда Гейна как личности оказала его мать Августа. Само по себе это ещё не означало патологии, но сильная, бескомпромиссная, склонная к доминированию женщина отсекла все иные источники влияния на сына. Пожалуй, трудно было найти менее толерантного человека, чем Августа Гейн. Чрезвычайно религиозная и бескомпромиссная в своей вере, эта женщина воспитала Эдварда в твёрдом убеждении, что мир вокруг греховен, а женщины — суть грешницы. С ними нельзя общаться, ибо это вредит душе, с ними нельзя заниматься сексом, ибо это грех смертный, а все те, кто этого не понимает — погрязшие в блуде и лишённые благодати недочеловеки. Понятно, что в число погрязших в блуде подпадало практически всё человечество за исключением семьи Гейнов. Подобную религиозность трудно назвать даже фанатичной, скорее

это уже истероидный психоз.

Религиозные взгляды матери накладывались на явную ущербность отца Эдварда. Джорджа Гейна нельзя было назвать психически неполноценным, но тяжёлые потрясения детства, вне всякого сомнения, сильно его травмировали. В возрасте трёх лет Джордж пережил страшное наводнение в округе Кун Вэли, в штате Висконсин, которое унесло жизни его родителей и старшей сестры. Пережитый в детстве стресс травмировал ребёнка; Джордж Гейн вырос, как сказали бы в России, «пришибленным». Он сильно пил, был неусидчив (потому не смог овладеть какой-либо полезной специальностью), постоянно менял работу, физически был хил и даже тщедушен. Неудивительно, что, женившись, такой человек выбрал жену старше себя на пять лет. Правильнее было бы сказать, что это жена выбрала его. Пара оказалась в высшей степени примечательной: довольно высокая, широкой кости и в целом привлекательная блондинка Августа и сутулый, худой, абсолютно бесцветный Джордж — не мужчина даже, а, скорее, тень мужчины.

Разумеется, для любого психиатра сам по себе такой тандем уже является красноречивым сигналом неблагополучия. При взгляде на потомство этой пары впечатление неблагополучия должно было только возрастать. Если старший брат производил впечатление разумного, энергичного и в целом совершенно нормального человека, то младшенький на его фоне казался тихим чудаком, живущим без какой-либо це-

ли и сосредоточенным на неких никому неведомых размышлениях. Есть замечательное слово, подходящее к Эду Гейну как нельзя лучше — померкованный — то есть человек с сумеречным сознанием, не то, чтобы явный сумасшедший, но живущий на своей никому не понятной волне.

Среди наиболее ярких воспоминаний детства, повлиявших на восприятие Гейном женщин, был случай, рассказанный им при поступлении в госпиталь. Будучи ребёнком, он стал свидетелем свежевания его матерью свиной туши, подвешенной за ноги в сарае. Августа Гейн с громадным мясницким ножом, руками, по локоть запачканными свежей кровью, потрясла Эдварда своим видом. Он счёл её необыкновенно красивой. Это воспоминание, вне всякого сомнения, способствовало интуитивному ориентированию Эдварда на поиски сильной, доминирующей женщины, не боящейся крови, способной быть жестокой и вместе с тем ласковой. Гремучий коктейль, что и говорить!

Когда психиатры заговорили с Эдвардом Гейном о сексе с женщиной, тот огорошил их своим неожиданным вопросом: «Вы знаете, что значит иметь влагалище и грудь?» Его стали расспрашивать о том, совокуплялся ли он с первым женским телом, извлечённым из могилы. Сначала он просто отнекивался, потом лаконично объяснил: «Это было невозможно — слишком сильный запах».

Много было задано вопросов Гейну относительно его манипуляций с женскими телами и, в конце концов, стало по-

нятно, для чего преступник расчленял их: он исследовал женскую анатомию. За всю свою жизнь ни разу не назначивший ни одного свидания женщине, он не имел ни одной подруги, которая могла бы просветить его в вопросах, о которых даже старшеклассники имеют вполне верное и точное представление. Ни разу не имевший в своей жизни секса с женщиной, Гейн был поглощён очаровательной тайной женского тела.

Поиск выхода из сложившегося психологического тупика — то есть огромный интерес к женщинам и невозможность удовлетворить его общественно приемлемым способом — толкнул его к действительно безумному решению — он решил сделать нижнее бельё из кожи настоящих женщин. Чудовищная фантазия, что и говорить, но Эдди приложил много сил для её исполнения и в какой-то момент, по-видимому, её реализации он подчинил всю свою жизнь.

Начиная с 1947 г. Эдвард Гейн раскапывал могилы недавно похороненных женщин, извлекал тела, снимал с них хорошо сохранившиеся участки кожи, извлекал для «изучения» те или иные органы, после чего закапывал обратно. Все эти манипуляции он проводил с телом в течение одной ночи, чтобы приходящие к могиле родственники не могли утром догадаться, что прах был кем-то потревожен. Для одного человека работа была очень трудоёмкой, но Гейн успевал. После кустарного дубления снятой кожи он шил из полученных кусков своё «новое тело», костюм для ежедневного ношения

вместо нижнего белья. Найденные в его доме штаны, куртка с сосками и жилетка являлись деталями этого костюма. Гейн подолгу носил это необычное облачение, привык к нему и, по-видимому, постоянно надевал под повседневную одежду. Поступать так мог, конечно же, только глубоко больной человек.

После многочасовых собеседований с Гейном врачи обратили внимание на то, что он никогда не выражал раскаяния по поводу содеянного, рассказывал о своих проделках ровным и бодрым голосом. При этом Гейн не имел никакой концепции, объясняющей его действия. У абсолютного большинства преступников существует своя ценностная шкала, сообразуясь с которой они действуют логично и оправданно[4]. Эдвард Гейн не имел ничего похожего; он даже не задумывался о самооправдании. Отсутствие потребности в самореабилитации служило несомненным указанием на психическую неполноценность.

В то самое время, пока Эдвард Гейн находился в лечебнице на обследовании, прокурор округа начал проверку его показаний о раскопках могил. Первым было вскрыто захо-

[4] Например, маньяки-дестройеры, убивающие женщин без изнасилования, считают убитых вместилищем порока и очень часто приписывают себе роль эдаких хранителей общественной морали. У психиатров даже есть особый термин, с помощью которого они описывают такого рода комплекс: «правый человек», то есть такой индивидуум, который никогда не сомневается в том, как надлежит поступить правильно. Практически у всех типов преступников существует некое внутреннее оправдание, зачастую весьма экзотичное, которое призвано снять с них моральную ответственность за совершаемое зло.

ронение некоей Элинор Эдамс — гроб оказался пустым. После этого была вскрыта могила Мейбл Эверсон — человеческие кости лежали на крышке пустого гроба. Сомнения отпали: Гейн действительно раскапывал могилы женщин, некоторых из которых даже знал при их жизни. Окружной прокурор Эрл Кайлин решил не тревожить прах остальных женщин из списка Эдди; в общем-то, уже стало ясно, что в этой части своих показаний Гейн сказал правду.

К концу 1957 г. общественное напряжение в Висконсине заметно возросло. Штат получил дурную славу «родины Эдди Гейна», в США даже появились своеобразные шуточки в стиле «чёрного» юмора, которые пародировали манеру Гейна выражаться полуфразами и получили вполне заслуженное название «гейнсины». Все ждали, когда преступника отдадут суду и приговор над ним утолит жажду мести общественности.

Оглашённое 6 января 1958 г. заключение психиатрической комиссии вызвало скандал. Эдвард Теодор Гейн признавался «шизофреником и сексуальным психопатом». Врачи считали, что на его поведение очень сильно влияли сразу три разновидности сексуальной патологии, которые вкупе с далеко зашедшим поражением когнитивной и волевой сфер личности, обусловленных шизофреническим процессом, не позволяли ему адекватно оценивать самого себя, окружающую обстановку и собственные побуждения. Главное заключалось в том, что человек с подобными тяжёлыми поражени-

ями психики, расстройством памяти и неадекватностью реакций не мог быть предан суду. Негодование родных и близких жертв Гейна легко представить. Они образовали неофициальный комитет и на общем собрании решили добиваться предания Гейна суду вне зависимости от того, сколько времени это может потребовать.

Дело в отношении Эдди Гейна было приостановлено по причине его болезни. Он был оставлен в Центральной психиатрической клинике штата на неопределённое время, а власти графства приступили к ликвидации его имущества. Всем было ясно, что Эдди уже никогда более им не воспользуется.

Когда официально было объявлено о предстоящем 30 марта 1958 г. аукционе по продаже движимого и недвижимого имущества преступника, это вызвало волну возмущения среди жителей Висконсина. Люди не без оснований боялись, что аукцион привлечёт недобросовестных покупателей, которые используют вещи Эда Гейна для наживы и рекламы. Стали раздаваться требования отменить аукцион, однако местные власти не хотели менять установленную законом процедуру распродажи вещей уголовников.

Возникший конфликт интересов был разрешён в духе американского вестерна. Поздно вечером 20 марта 1958 г. группа неустановленных лиц (вне всякого сомнения — из местных жителей) проникла на территорию фермы Эдварда Гейна и подожгла надворные постройки. Находившийся там полицейский наряд вызвал пожарных и принял меры к спа-

сению имущества. Никто из поджигателей задержан не был. Полицейские мужественно боролись с огнём и сумели спасти кое-что из имущества легендарного преступника: автомобиль, музыкальный проигрыватель, часть мебели.

Дымящиеся руины дома Гейна.

Так что по большому счёту надежды поджигателей на срыв аукциона не увенчались успехом — он состоялся, хотя его пришлось разбить на два этапа. Сначала на торги был

выставлен земельный с руинами сгоревшего дома, а затем — спасённое имущество прославившегося преступника.

Первый из аукционов, собравший более 2 тысяч участников и зрителей, прошёл 30 марта [как это и планировалось изначально]. Его выиграл известный торговец недвижимостью Энден Шей (Enden Schey), рассказавший репортёрами, что намерен высадить на купленной земле сосновую рощу, которая после её вырубки через четверть века принесёт доход в 300%.

Второй аукцион был проведён почти через 3 недели после первого — 19 апреля.

Любопытна реакция самого Эда Гейна на поджог. Когда ему рассказали о случившемся, он, верный своей манере выражаться неопределённо, проговорил: «Теперь только так!» («Just as weel!»). Никакого сожаления о произошедшем он не выразил, казалось, он не испытывал ни малейшей привязанности к вещам, что, вообще-то, нехарактерно для людей с криминализованным сознанием. Вообще, читая о том, как он себя держал в лечебнице, можно подумать, что чувство сожаления ему неведомо.

Способность американцев из всего устраивать шоу (русским языком выражаясь — балаган), весьма выпукло проявилось в истории с Эдом Гейном. Мрачные опасения местных жителей подтвердились полностью: вещи преступника были куплены искателями лёгкой поживы, стремившимися заработать на скандальной славе преступника и связанной с

его именем трагедии.

Фундамент сгоревшего дома Эдварда Гейна.

Автомобиль Гейна оказался продан на аукционе за 760 $ — это были очень приличные деньги за далеко не новую ма-

шину, и мало кто сомневался, для каких целей новый хозяин вложил такую сумму в своё приобретение. Буквально через неделю «ford» был перепродан и в течение последующих лет экспонировался на различных американских ярмарках и аттракционах как «машина вампира». За 25 центов любой желающий мог забраться в салон и почувствовать себя на минуту отвратительным похитителем трупов Эдом Гейном, перевозящим в кузове женский труп. Вопросы об этической стороне такого рода демонстрации никого, видимо, не беспокоили. В павильон с «машиной вампира», по свидетельству очевидцев, зеваки валили толпами.

Мало-помалу страсти вокруг Гейна поутихли. Заживо похороненный в психиатрической клинике, он не тревожил своим видом сограждан, и преступления его начали забываться. Но к пятилетней годовщине разоблачения преступника большая группа журналистов обратилась к властям штата с просьбой показать Эда общественности и рассказать о том, как ему живётся в лечебнице.

В ноябре 1962 г. впервые после довольно долгого перерыва Гейн появился перед репортёрами. Вид его поразил многих. Преступник вовсе не выглядел измученным режимом содержания: чисто выбритый, заметно прибавивший в весе, ласково улыбающийся и явно польщённый проявленным к нему вниманием Гейн совсем не походил на того «полудурка», каким все знали его на воле. Он охотно рассказал журналистам о том, что очень доволен внимательным отноше-

нием врачей, жалоб никаких не имеет, с удовольствием занимается любимыми делами: столярным рукоделием и обтёсыванием плит из природного камня.

Аукцион по продаже земельного участка, принадлежавшего Эду Гейну, был провезён 30 марта 1958 года и собрал более 2 тыс. участников и зрителей.

Врачи в ходе пресс-конференции дополнили рассказ преступника разного рода пасторальными деталями: Гейн, по их словам, никогда не нарушал режим содержания, в отличие от многих иных больных, не пытался протестовать против лечения психотропными средствами и барбитуратами и, во-

обще, не доставлял никаких хлопот.

Эта идиллия в сумасшедшем доме спровоцировала взрыв негодования всех людей, пострадавших от его действий. Они публично объявили о намерении добиваться привлечения Эда Гейна к суду за убийство первой степени. Речь шла об убийстве Бернис Уорден, поскольку его причастность к убийству Мэри Хоган доказать было значительно труднее. Родственники жертв Гейна добились, в конце концов, от властей немаловажной уступки — они получили право приходить на заседания жюри, заслушивавшего и обсуждавшего все заявления преступника. И хотя люди не имели, разумеется, права вмешиваться в ход заседания, сам факт их присутствия означал гласный контроль за процедурой рассмотрения.

В течение почти пяти лет члены неформального комитета «жертв Гейна» добивались назначения комиссии для нового переосвидетельствования преступника, что позволило бы привлечь Гейна к уголовной ответственности. Борьба их в конечном итоге увенчалась успехом: комиссия из крупнейших представителей американской психиатрии была создана и 22 января 1968 г. приступила к работе. После многомесячного обследования было констатировано, что Гейн полностью адекватен, отдаёт отчет в своих действиях, имеет достаточную память и является вменяемым. Власти сочли возможным открыть процесс по обвинению Эдварда Гейна в умышленном убийстве Бернис Уорден, и 7 ноября 1968 г.

преступник очутился-таки на скамье подсудимых.

Эд Гейн направляется в суд. Постаревший, но по-прежнему бодрый и спокойный…

Обвинение представило семерых свидетелей, а также патологоанатомическую реконструкцию манипуляций Гейна с телом Бернис Уорден. По рекомендации адвокатов Гейн отказался отвечать на вопросы суда и просидел весь процесс молча, почти безучастно. По воспоминаниям присутствовавших на этом суде он оживился только раз, когда при заслушивании экспертов в зал заседаний внесли сохранённые в формалине внутренние органы Уорден. С неподдельным

вниманием преступник выслушал доклад судебного медика, рассказавшего о последовательности расчленения тела погибшей женщины, после чего опять потерял интерес к происходившему в зале.

Основная борьба на суде развернулась по поводу того, можно ли считать Гейна вменяемым в момент совершения им инкриминируемого преступления, то есть 10 лет назад. Как ни доказывало обвинение, что есть основания не соглашаться с первоначальным диагнозом Эдварда Гейна, присяжные своим вердиктом 14 ноября постановили признать его виновным в убийстве первой степени Бернис Уорден, но не ответственным за него по причине тяжёлого расстройства умственных способностей. Постановлением судьи Эдвард Гейн был возвращён в психиатрическую лечебницу в Ваупуне.

Преступник оставался в этом заведении весь остаток жизни. Он хорошо себя вёл, во всём подчиняясь персоналу клиники. Ему разрешили получать за работу деньги, и на них он мог делать небольшие покупки по почте. Гейн выписывал журналы, как популярные — с картинками, так и специальные — по технической тематике. Получив разрешение на сбор радиоприёмника, он заказал все необходимые детали и собрал вручную простенький транзистор. Впоследствии администрация клиники подарила ему радиоприёмник на день рождения. В феврале 1974 г. Эдвард Гейн написал прошение о признании его излечившимся и освобождении из лечебни-

цы. Через четыре месяца оно было рассмотрено и отклонено. В 1978 г. Гейна перевели из клиники в Ваупуне в недавно открывшийся Институт психических расстройств штата Висконсин в городе Мэдисон.

Он продолжал оставаться примерным больным, но за всё время содержания его под стражей (то есть с 1957 г.) к нему ни разу не подпустили близко женщину. По воспоминаниям персонала института в Мэдисоне, даже будучи весьма пожилым человеком — а Гейну было к моменту перевода уже под семьдесят! — он совершенно неадекватно реагировал на женщин: где бы их не увидел, он менялся в лице, переставал моргать, буквально впадал в ступор. В начале 1984 г. Гейну была диагностирована лейкемия, 26 июля того же года он скончался от удушья в палате престарелых в Институте психических расстройств в Мэдисоне. В ночь на 28 июля 1984 г. он был похоронен на кладбище в Плейнфилде рядом с могилой матери, отца и старшего брата. По требованию общественности памятник на могиле Эдварда Гейна не устанавливался, и власти округа заявили, что не допустят его установку в будущем.

Тем не менее минули всего 10 лет, и толерантная Америка примирилась со своим прославленным маньяком. На могиле Эдварда Гейна появился гранитный памятник, и притом даже с крестом, что совсем уж странно, принимая во внимание нераскаянность убийцы. Присутствие на камне стилизованного изображения веток алоизии, символизировавших при-

мирение, совсем уж сбивало с толку, поскольку невозможно было понять кто именно с кем примирился? Гейн раскаяния никогда не демонстрировал и о нём не заявлял, а потерпевшие со своей стороны тоже ничего о примирении с этим человеком не говорили.

С течением времени на памятнике стали появляться свидетельства того, что не все жители Соединённых Штатов согласны с подобной толерантностью. На фотоснимках разных лет можно видеть, как на камне сначала появилось кем-то выбитое число 666 [знак Сатаны], а затем различные надписи, обычно выполнявшиеся несмываемым строительным маркером, гласившие обычно «Гейн никогда не умрёт», «Не пушки убивают людей» и т. п. Время от времени они исчезали — это смотрители кладбища удаляли их кислотой — но затем появлялись снова. В начале XXI столетия некий неравнодушный самаритянин предпринял попытку сбить зубилом контррельеф креста и веток алоизии, но работу свою он довести до конца не смог.

Могила Эдварда Гейна в Плейнфилде.

В конце концов памятник попросту исчез. Смотрители кладбища установили вместо него доску высотой около ярда [90 см], но и она не простояла долго. Время от времени этот знак восстанавливается, но, постояв немного, он снова исчезает. Поэтому не надо удивляться тому, что на фотографиях разных лет захоронение Эда Гейна выглядит очень по-разному. В этой связи достойно упоминания то, что соседние могилы остаются неприкосновенны, то есть в данном случае явно имеет место не тривиальный кладбищенский вандализм, а демонстрация несогласия, направленная на вполне

определённую личность.

Образ этого преступника окутан многочисленными легендами и преданиями, оттого, видимо, что он хорошо был известен в местности, где проживал, а людская память имеет свойство мифологизировать всё, выходящее за рамки обычного. Во многих публикациях, особенно периода 50—60 гг. XX века, его называли «висконсинским волком», и прямо утверждалось, будто Гейн был вампиром, пил кровь и употреблял в пищу мясо женщин, имел половые контакты с трупами и прочее. Но это неправда. С достаточной надёжностью доказано, что Гейн никогда не занимался каннибализмом ни в каком виде и не совершал сексуальных посягательств не только в отношении тел умерших, но также и живых людей.

Долгое время существовала версия о том, что маленький тщедушный Гейн не смог бы в одиночку в течение ночи раскапывать и закапывать могилы, вытаскивать оттуда тела и тому подобное, а потому якобы он имел помощника или даже не одного. История эта вроде бы подкреплялась рассказами одного местного дурачка, утверждавшего, будто Гейн брал его с собою ночью на кладбище, где он помогал Эду в его манипуляциях. Но это тоже миф чистой воды, который подвергся должной проверке и не получил подтверждения. Все упомянутые рассказы дурачка явились фантазиями, рождёнными в его голове всеобщим ажиотажем. Этот человек не только не смог указать ни одной могилы, якобы раскопанной им вместе с Гейном, но он даже путался в кладбищах, где

якобы всё это происходило, и каждый раз называл другое.

Необходимо отметить, что Гейн был довольно сильным мужчиной, в этом не раз могли убедиться врачи лечебницы в Ваупуне, наблюдавшие за тем, как он в одиночку ворочает каменные блоки.

Ныне практически не подвергается сомнению предположение — так, правда, никогда и не доказанное — о том, что число убитых Гейном людей больше двух. Скорее всего, преступник после 1953 г. (когда он перестал раскапывать могилы) действительно переключился на охоту за живыми людьми. Но прямо связать Гейна ни с одним из фактов исчезновения людей, с перечисления которых начался этот очерк, так и не удалось. Вне всяких сомнений Эдвард Гейн был очень опасен, и он ни за что бы не остановился после убийства Бернис Уорден, продолжая совершать преступления до самой смерти либо до разоблачения. Поэтому его пожизненное заключение в психиатрической лечебнице следует признать актом полностью оправданным.

В завершение остаётся добавить, что именно Эдвард Теодор Гейн послужил писателю Томасу Харрису, автору романа «Молчание ягнят», прототипом описанного в нём маньяка Джейма Гамба. Хотя автор и сделал своего персонажа намного моложе настоящего Гейна и наградил его такими чертами, которых его прототип не демонстрировал вовсе, тем не менее именно с Гейна автором был списан этот весьма достоверный образ. И книга эта, и одноимённый кинофильм

хорошо известны в нашей стране.

Невыдуманная история первого и последнего «барона Аризоны»

История мошенничеств знает поразительные примеры настолько наглого и бесцеремонного обмана, что остаётся лишь удивляться тому, как аферистам удаётся обводить вокруг пальца людей неглупых, и притом с немалым житейским опытом. В Санкт-Петербурге мошенник умудрился продать здание Генерального штаба, то самое, что находится на Дворцовой площади. С этим самым штабом, кстати… В Париже была успешно продана Эйфелева башня… Бруклинский мост в Нью-Йорке в разное время продавался по меньшей мере трижды.

Однако безусловным чемпионом по продаже не принадлежащей ему недвижимости должен быть признан Джеймс Эддисон Ривис (James Addison Reavis), в принципе, человек неплохой, неглупый и даже как будто без явных криминальных наклонностей. Родился сей почтенный джентльмен в штате Миссури в 1843 году и прожил почти до 40 лет без каких-либо эксцессов, способных привлечь внимание правосудия.

В годы Гражданской войны он подался служить в армию Конфедерации, потом дезертировал и в возрасте 22 лет объявился в городе Сент-Луисе в родном штате Миссури. Впо-

следствии он рассказывал, будто к 1866 году успел послужить в армии «северян», совершил путешествие в Бразилию, пожил там, успел выучить португальский язык и возвратился обратно, но похождения эти выглядят малодостоверно — уж больно много событий должно было спрессоваться на очень небольшом отрезке времени.

Перебиваясь случайными заработками, Джеймс немного поработал риэлтором и сделал важное для нашего повествования открытие. Он понял, что нужный для завершения сделки документ, написанный им самим от руки, способен быстро и без проблем устранить все препоны. В ходе одной из сделок продавцы не могли подтвердить право владения землёй, хотя проживание на ней трёх поколений их предков подтверждалось документально. Джеймс порылся в различных архивах, ничего нужного в них не нашёл, но зато понял, как примерно должен выглядеть потребный документ. Разжившись куском старой бумаги, оторванной от другого документа, он собственноручно нацарапал желательный текст и… привёз бумаженцию клиенту. Дескать, выкупил за толику малую!

Сделка была успешно проведена, Джеймс получил агентскую комиссию и ценный опыт. Надо сказать, что Ривис упражнялся в подделке увольнительных ещё во время службы в армии «южан», но, по большому счёту, то были юношеские шалости. А вот по-настоящему важный документ он подделал именно во время работы агентом недвижимости

где-то в районе 1870 года.

В дальнейшем он открыл собственную риэлторскую фирму, но долго на рынке не продержался. Впоследствии так толком никто и не рассказал, что же именно приключилось в Миссури — то ли Джеймса поймали на чём-то нехорошем, то ли конкуренты наехали жёстко — но внезапно бросив дела на Среднем Западе, он отправился в Калифорнию. Там он на некоторое время стал учителем, а в 1875—1878 годах подался в репортёры и поработал в самых, пожалуй, крупных и известных калифорнийских газетах — «San Francisco Call» и «The San Francisco Examiner».

Во время калифорнийского этапа своей жизни Джеймс Ривис обогатил свой житейский опыт ещё одним весьма ценным наблюдением, связанным с организацией работы Комиссии по общественным землям (Public Land Commission) при правительстве штата. Комиссия эта, созданная для выкупа частных земель под различные инфраструктурные проекты штата, не проводила самостоятельной экспертизы представляемых документов, а потому обмануть её представлялось, в общем-то, совсем несложной задачей. Главная хитрость заключалась в том, чтобы принести побольше старых бумаг, происходящих или якобы происходящих от мексиканских владельцев.

Джеймс подумал-подумал, да и решил, что ему по силам стать владельцем земли, восходящей к каким-нибудь уважаемым мексиканцам. Главное, чтобы их не было в живых —

это раз! — а во-вторых, следовало хорошенько продумать толковое объяснение того, как именно земля попала к нему. Если ты дружишь с головой и понимаешь законы окружающего мира, то обе задачи решаются, практически не вставая со стула.

Юридическим основанием для придуманной Ривисом схемы стал так называемый «Гадстенский договор» 1854 года между США и Мексикой, названный так в честь Джеймса Гадстена, подписавшего его от лица Соединённых Штатов. По этому договору Мексика продавала северному соседу 120 тысяч км своей территории за 7 млн.$. На самом деле договаривались они на 10 млн.$, но мексиканцы получили от уважаемых партнёров лишь 7 млн.$, хотя в рамках настоящего повествования эти детали совершенно не важны. А важно то, что согласно этому договору, США признавали действительность мексиканских земельных грантов, то есть выделения земли конкретным владельцам особыми указами испанского короля. Никто толком не знал, сколько именно этих грантов существует в действительности и где они находятся, и причина тому была предельно банальна — многие мексиканские землевладельцы не смогли вести хозяйственную деятельность из-за постоянных нападений апачей. То есть испанцы получали землю от короны, затем после пары-тройки набегов индейцев всё бросали и уезжали, а земля… А земля номинально продолжала числиться за ними.

Ривис подумал-подумал, да и придумал персонажа под

звучным именем Немесио Сильва де Перальта де ла Кордоба (Nemecio Silva de Peralta de la Cordoba), который в 1748 году получил от испанского короля Фердинанда VI земельный грант на часть территории нынешних американских штатов Нью-Мексико и Аризона. На самом деле этого человека никогда не существовало. Ривис умышленно решил изобрести целую баронскую фамилию, руководствуясь весьма здравым соображением — у вымышленного де Перальты не может существовать потомков, которые внезапно заявят о себе и тем разрушат планы мошенника. Разрабатывая генеалогическое древо никогда не существовавшего баронского рода, Ривис постепенно склонился к мысли обзавестись женой-мексиканкой, которую можно будет объявить последней представительницей прославленного семейства. Правда, Джеймс формально уже был женат — он бракосочетался 5 мая 1874 года — но с женой не жил, фактически сбежав. В 1883 году жена развелась с ним, ничего не зная о его судьбе.

Впрочем, тут мы намного забежали вперёд, поскольку до решения семейного вопроса Ривис был вынужден озаботиться решением другой важной проблемы.

А именно — ему необходимо было обеспечить правдоподобное появление документов. И свою к ним причастность, разумеется…

Джеймс, безусловно, был очень ловким человеком, и на оперативной работе в спецслужбе ему бы цены не было. Мошенник придумал и провернул по-настоящему идеальную

операцию по собственному легендированию. Примечательной особенностью этой операции стало то, что на каждом её этапе все важные дела обделывались чужими руками, то есть сам Ривис как будто бы ничего и не делал, и всё связанное с ним происходило словно бы само собой.

У Джеймса некогда был деловой партнёр Джордж Уиллинг-младший, знакомство с которым состоялось в Сент-Луисе в 1871 году. Уиллинг утверждал, что он врач, но никого не лечил, а лишь продавал пузырьки с некими «патентованными лекарствами» от всех болезней. Также он утверждал, будто является успешным старателем, промышлявшим добычей серебра и золота, но сие тоже было неточно. 16 марта 1874 года он приехал в город Прескотт, административный центр округа Явапай (Yavapai) в Аризоне и… на следующий день скончался в отеле. Смерть его выглядела подозрительной в том смысле, что смахивала на отравление, но эта деталь была даже на руку Ривису, поскольку сам он в то время находился в Калифорнии, так что никаким боком к случившемуся причастен не был.

Согласно разработанной Ривисом легенде, документы на земельный грант несуществующего барона де Перальты находились в вещах Уиллинга-младшего. Он для того якобы и приехал в Прескотт, чтобы подать в окружной суд требование о признании его законных прав. А как же Джордж Уиллинг-младший сделался наследником барона де Перальты? Да очень просто — барон, находясь в отчаянном материаль-

ном положении, продал землю предков за 20 тыс.$, точнее, не долларов даже — ибо Уиллинг являлся по жизни нищебродом и отродясь не держал в руках такую сумму! — а за эквивалент этой суммы — золотым песком. Уиллинг являлся старателем, о чём неслучайно упомянуто выше, а потому золотой песок он где-то намыл! Никто не знает где, просто намыл и всё… Кроме золотого песка, Уиллинг якобы передал барону пару мулов и мешок с кое-каким снаряжением землекопа — киркой, ситом, парой совков, двумя лопатами и компасом. Сделка состоялась 20 октября 1864 года, то есть за полтора десятилетия до того момента, когда Ривис решил заявить о своих правах.

Хитрый мошенник некоторое время обдумывал детали того, как и в силу каких обстоятельств подобная сделка могла бы произойти. В конце концов воображение Ривиса нарисовало весьма драматичную сценку, во время которой Уиллинг, путешествовавший по пустыне в Аризоне, пришёл на помощь измученной голодом и жаждой группе людей. Это были старатели, так и не нашедшие золота в ходе своих многомесячных мытарств! Барону де Перальте необходимо было расплатиться с работниками, но у него давно закончились все сбережения. В общем, сделка состоялась, и Мигель де Перальта получил возможность сдержать своё благородное слово — в смысле заплатить работникам — и тем сохранил фамильную честь. В обмен на мешок золотого песка, мулов и горняцкий инструмент барон передал Уиллингу-младшему

акт продажи земельного гранта рода Перальта, написанный карандашом на листе засаленной бумаги с какими-то отметками на обратной стороне. Разумеется, нотариус при написании сего документа не присутствовал, поэтому текст заверили два человека из числа работников барона Мигеля.

«Совершенно завиральная история», — скажет кто-то из скептиков. Так же подумал и сам Ривис, а потому озаботился проработкой многих иных аспектов, связанных с никогда не существовавшим родом де Перальта. Помимо генеалогического древа почтенного барона, для успеха замысла мошенника необходимо было устранить из сюжета самого барона. Ну, в самом деле, должен же он был каким-то образом исчезнуть, не так ли? Ривис, судя по всему, являлся неплохим журналистом и имел чутьё на трогательные, сентиментальные и правдоподобные сцены. По его версии событий, последний барон через несколько месяцев ушёл из жизни в дешёвой гостинице в городке Ногалесе, расположенном в 450 км южнее Прескотта. Прескотт упомянут здесь не случайно — именно в этом городе Ривис предполагал приступить к исполнению своего замысла. Барон Мигель, полностью растративший золотой песок, полученный от Уиллинга-младшего, застрелился в гостинице, оставив лаконичное предсмертное послание, гласившее: «У меня были деньги. Я потерял всё. До свидания». («I had the money. I lost It. Good-bye.») Поверх записки он положил монету в один мексиканский доллар. Последнюю из имевшихся в кошельке.

В мае 1880 года Ривис приступил к осуществлению своего замысла. Начал он с того, что в редакции калифорнийских газет добился командировки в Аризону с целью организации там подписки на газеты. Эта командировка давала ему формальный предлог появиться в Прескотте, том самом городе, где, по замыслу мошенника, предстояло развернуться основным событиям. Перед отъездом Ривис навестил вдову Уиллинга, проживавшую, кстати, в Калифорнии, и сообщил ей, что является другом её безвременно ушедшего мужа и во время своей поездки в Аризону мог бы озаботиться поиском его вещей. Они ведь, наверняка, где-то лежат под замком и дожидаются появления человека, который заявит о своём праве на них. Если женщина напишет письмо, в котором предоставит ему полномочия озаботиться поиском имущества её скончавшегося мужа, то он охотно примет на себя эту скорбную обязанность. В память о дружбе с этим замечательным человеком и исключительно из чистосердечного желания помочь его несчастной вдове.

Ривис мог быть убедителен, когда хотел этого, и потому без особых затруднений получил от женщины желанное письмо. С ним он прибыл в Прескотт и явился к судье по наследственным делам окружного суда. Представившись и предъявив письмо вдовы Уиллинга, он сообщил судье, что вещи покойного доктора до сих пор хранятся в гостинице, где тот умер, а посему почтенная вдова уполномочила его — Ривиса — получить эту вещи и доставить ей в Калифорнию.

Судья выписал ордер на обыск гостиницы, который на следующий день провёл помощник шерифа с группой подчинённых. В ходе обыска и впрямь были найдены вещи скончавшегося в гостинице джентльмена, бережно хранимые владельцем гостиницы с марта 1874 года [то есть 74 месяца! Неплохая такая камера хранения, и притом очень надёжная!]. Сотрудники службы шерифа изъяли вещи Уиллинга и передали их судье. Последний лично осмотрел пару вместительных перемётных сумок и, помимо разного рода предметов личного обихода — запонок, часов, портсигара, визитницы и прочей мелочёвки — обнаружил целый ворох бумаг, связанных с земельным грантом барона Мигеля де Перальта. Обнаружил судья и кое-что ещё — завещание Уиллинга, согласно которому в случае его смерти право истребования наследства переходит к его хорошему другу Джеймсу Эддисону Ривису.

Автор не сомневается в том, что проницательному читателю не нужно объяснять, как именно все эти любопытные бумаги оказались в вещах человека, умершего более чем шестью годами ранее. Сам же Ривис их туда и подложил ещё до своего похода к судье! А владелец гостиницы, проявивший удивительную щепетильность в отношении имущества давно умершего человека, действовал в сговоре с мошенником, хотя подлинного размаха затеянной аферы он, разумеется, не представлял.

Судья, изучив полученные от службы шерифа документы

и вещи, передал их Ривису и поздравил того с получением во владение весьма и весьма значительной аризонской недвижимости.

Итак, Ривис очень удачно провёл первый этап — вбросил в публичное пространство информацию о появлении владельца огромных территорий в Аризоне и Нью-Мексике, но после этого резких телодвижений совершать не стал. Он не попытался продать или заложить эту землю и не бросился требовать деньги от хозяйствующих на «его» территории субъектов — нет, он взял небольшую паузу и вернулся в Калифорнию. Там он вернул личные вещи Уиллинга вдове последнего и направил свои стопы в Нью-Йорк.

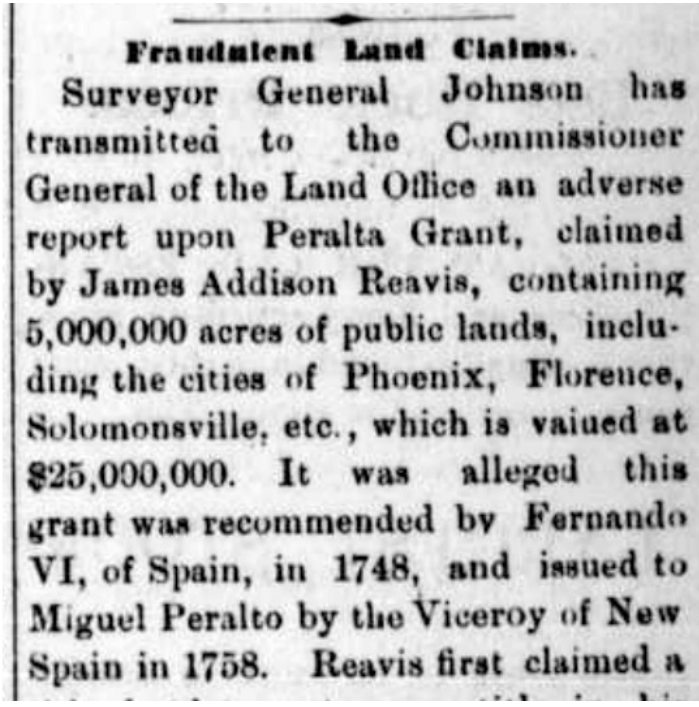
И уже там впервые выступил в роли крупного землевладельца. Ривис принялся деятельно заводить знакомства с людьми, которые могли бы иметь бизнес-интересы в Аризоне, рассказывая им, что владеет огромным земельным грантом, ранее принадлежавшим на протяжении трёх поколений роду барона де Перальта. Ему удалось заинтересовать своими россказнями и бизнес-идеями крупный инвестиционный фонд «American Bank Note Company», а также некоторых состоятельных предпринимателей и политиков. Важно было то, что мошенник предъявлял имевшиеся у него на руках правоустанавливающие бумаги в двух юридических фирмах, представители которых сочли их вполне добротными.

Поездка в Нью-Йорк вдохновила мошенника — всё шло как по маслу, и никто из сильных мира сего не ставил под

сомнение его легенду. Ривис до такой степени поверил в себя, что набрался наглости и принялся просить деньги у будущих деловых партнёров, объясняя это тем, что хотя он потенциально очень богат, но покуда не заработал на аризонской земле ни цента, а ведь ему надо на что-то жить! Его новые товарищи положили аферисту ежемесячный пансион в размере 500$, который Ривис получал целый год.

Ни дать ни взять Хлестаков, приехавший в уездный городишко…

Получив полную поддержку в Нью-Йорке, Джеймс Ривис направил, наконец-то, свои стопы в Аризону. Пора было приступать к окучиванию паствы. Паства уже знала о том, что где-то в дальних грязях объявился некий наследник некоего испанского владельца тутошних земель — слухи такого рода бежали впереди Ривиса — но что это за человек и чего следует от него ждать, никто не понимал. Ривис повёл себя в Аризоне со всей возможной деликатностью и даже смирением. Он заверил всех, кто жил на «его» земле или вёл бизнес, в том, что не станет никому чинить препятствий, но желает видеть уважение его собственных имущественных прав и привилегий.



Fraudulent Land Claims.

Surveyor General Johnson has transmitted to the Commissioner General of the Land Office an adverse report upon Peralta Grant, claimed by James Addison Reavis, containing 5,000,000 acres of public lands, including the cities of Phoenix, Florence, Solomonsville, etc., which is valued at $25,000,000. It was alleged this grant was recommended by Fernando VI, of Spain, in 1748, and issued to Miguel Peralto by the Viceroy of New Spain in 1758. Reavis first claimed a

Одна из многих статей о действиях Джеймса Ривиса в штате Аризона из декабрьского 1889 года номера газеты «The central Nevadan». Пресса была настроена резко против «барона Аризоны» и в его противостоянии с главным инспектором Джонсоном открыто занимала сторону последнего.

Мошенник быстро и довольно легко договорился с самы-

ми богатыми хозяйствующими субъектами, то есть лицами, занимавшимися бизнесом не «его» территории. Правление «Техасско-Тихоокеанской железной дороги» («Texas Pacific Railroad») выплатило ему единовременно 50 тыс.$, а владельцы серебряных рудников в районе Сильвер Кинг — компания «Silver King Mine» — 25 тысяч. Руководство другой крупной железнодорожной компании — «Southern Pacific Railroad» — выплатило Ривису 5 тыс.$ с обязательством в течение года перечислить ещё 45 тыс.$. Крупнейшие фермерские хозяйства — а в то время они образовывали костяк экономики штата — также без особых скандалов заплатили новому «владельцу земли», хотя их платежи были существенно ниже [что не должно удивлять]. Менее чем за год на Ривиса пролился настоящий денежный дождь.

Следует отдать должное мошеннику — он оказался весьма благоразумен и с толком распорядился обрушившимся на него богатством. Начиная со второй половины 1882 года он деятельно занялся бизнесом, учреждая различные компании по инфраструктурному развитию Аризоны, сливая их и, наоборот, разделяя. Подобную деятельность он развил и в штате Нью-Мексико, поскольку грант Ривиса «цеплял» также территорию и этого штата. Джеймс имел весьма амбициозные планы по развитию региона — он намеревался прокладывать дороги, инвестировать в ирригацию и телеграфное сообщение. Помимо инфраструктурных проектов, Ривис вынашивал планы по разведению крупного рогатого ско-

та. Он активно привлекал деньги инвесторов из других регионов, прежде всего Нью-Йорка [но не только], и в целом все его начинания оказывались успешны.

Помимо попечения об общественном благе, мошенник не забывал и о благе личном. За пять лет он построил или приобрёл в личное пользование дома в родном штате Миссури, Аризоне, в столице страны Вашингтоне, в Сан-Франциско и в Нью-Йорке, а также в Мадриде, столице Испании, и на территории Мексики.

Итак, тотальный финансовый успех состоялся! Пришло время явить миру последнюю баронессу де Перальта…

Джеймс Ривис ещё в 1877 году познакомился с юной мексиканской девушкой, работавшей в Сан-Франциско горничной в богатой семье. Причём познакомился самым прозаическим образом — сел в поезде рядом с ней на свободное сиденье… разговорился… а разговаривать с мексиканскими девушками он умел… в общем, случайное знакомство положило начало большой дружбе и даже более. Ривис как мог оттягивал момент бракосочетания — он-то знал, что уже состоит в законном браке! — и поскольку двоежёнство по тем временам влекло неустранимые репутационные потери, то такого рода риск желательно было исключить.

Однако после того как в начале 1880-х годов материальное положение Джеймса сказочным образом переменилось, тянуть с женитьбой стало уже неприлично. В конце концов, ему следовало предъявить жену деловым партнёрам, а то бы

они не поняли, почему уважаемый джентльмен к сорока годам своей славной жизни обходится без спутницы этой самой жизни. Больной, что ли?

Джеймс отдал будущую жену на полгода в школу для девочек при женском монастыре — это было необходимо для того, чтобы научить «баронессу» правильно читать и писать по-английски. После этого Ривис нанимал для будущей супруги репетиров, обучавших её правилам хорошего тона, изобразительному искусству, музыке и танцам. Кроме того, «баронессу» следовало хоть немного поднатаскать в литературе, дабы она могла отличить «Энеиду» от «Телемаха». Ривис официально бракосочетался 31 декабря 1882 года, полная титулатура его жены выглядела так: София Микаэла Масо Ривис-и-Перальта де ла Кордоба, третья баронесса Аризоны. Имя второй жены аферист являлось фальшивым в той же самой степени, что и фамилия, титул и биография. Свадьба произошла ещё до развода Джеймса с первой женой. Ривис всё-таки сделался двоежёнцем, хотя не подлежит сомнению тот факт, что он этого очень не хотел. Насколько можно судить по известным ныне материалам, к своей второй супруге Джеймс относился с искренней заботой и по-своему любил. На протяжении многих лет у супругов не было детей, и в 1887 году они усыновили 2-месячного мальчика, но в марте 1893 года — после 10 лет брака! — София родила мальчиков-близнецов.

Далее последовал пора, которую условно можно назвать

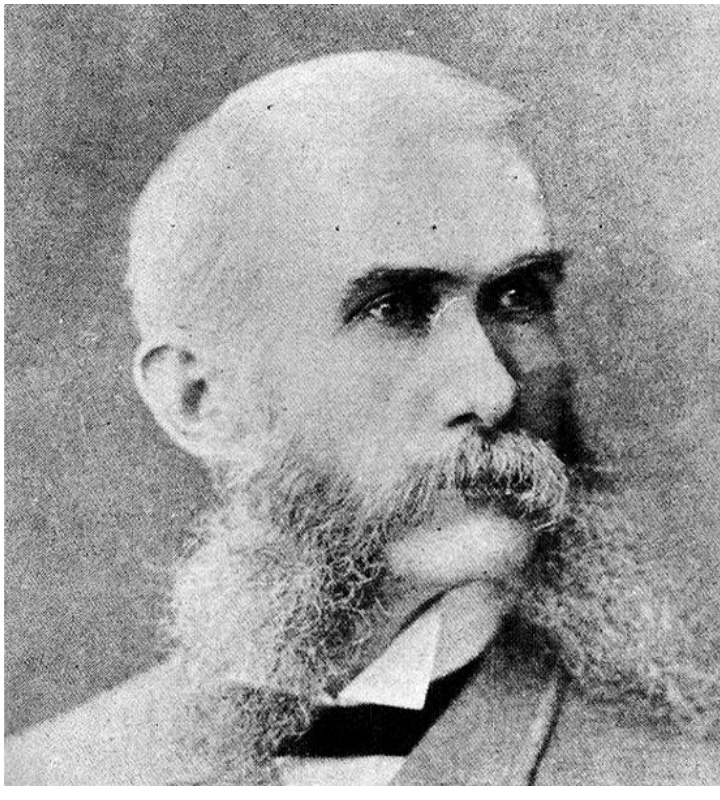
спокойной. На протяжении порядка пяти лет Джеймс Ривис совершил ряд продолжительных поездок, в которых его сопровождала любимая баронесса. Джеймс надолго приехал в Испанию якобы для поисков в тамошних архивах следов предков любимой жены. Он был хорошо принят в тамошнем свете и даже купил дом в Мадриде, предполагая возвращаться сюда и в дальнейшем. Также Ривис неоднократно посещал Мексику. Там он проявил большое внимание к аукционам, на которых продавалось вымороченное имущество, то есть вещи, поступившие в казну по судебным решениям разного рода [контрабанда, долги по налогам, предметы взяток и тому подобное]. Интерес к аукционам был неслучаен — Ривис целенаправленно приобретал старинные картины малоизвестных художников, дабы создать картинную галерею «благородных предков» его жены. Также его интересовал антиквариат, но не с целью долгосрочной инвестиции, а сугубо для создания в доме атмосферы благородного дворянского гнезда.

В конце марта 1883 года мошенник в федеральном суде в городе Тусоне подал иск с требованием к Департаменту внутренних дел признать его права собственности на землю в границах гранта барона Перальты. Упомянутый департамент отвечал за межевание земель, ведение кадастра и миграционную политику. Другими словами, именно это ведомство распоряжалось территориями, на которых селились переезжавшие в Аризону переселенцы. Ривис потребовал, что-

бы департамент прекратил размещать переселенцев на «его» землях.

В 1883 году Ривис предпринял то, что можно условно назвать «атакой на обывателей». По его указанию были во множестве отпечатаны листовки, призывавшие жителей Аризоны связаться с адвокатами Ривиса для приобретения специального документа, названного «отказ от иска». Этот документ гарантировал, что Ривис не станет привлекать его обладателя к ответственности за использование земли, находящейся в границе земельного гранта барона Перальты. Стоимость «отказа от иска» в зависимости от размера земельного участка и его местонахождения колебалась от 10$ до 1 тыс. $. Тому, кто не приобретёт этот документ, грозили штраф и принудительное отселение.

К этому времени информация о том, что крупные владельцы земли, а также железнодорожные компании согласились выплатить Ривису значительные суммы денег, стала широко известна. Требования непонятно откуда появившегося латифундиста смахивали на самый настоящий рэкет, и это, конечно же, напугало жителей штата. В июне 1883 года аризонские газеты начали публиковать призывы к читателям не поддаваться запугиваниям Ривиса и организовывать группы для коллективного противостояния в суде. Всего таких групп с течением времени организовалось четыре в разных городах Аризоны, число их активных членов превысило 700 человек.



Джеймс Ривис в лучшую пору своей жизни — между 40 и 50 годами — выглядел как эталонный джентльмен и соответственно держался. Он умел производить впечатление на людей и добиваться их благосклонности — эта способность очень помогал ему на протяжении многих лет обма-

нывать огромное число государственных чиновников и финансистов.

Между тем мошенник, явно войдя во вкус профессии крупного землевладельца, дважды увеличивал размеры земельного гранта, на который претендовал. Один раз это произошло якобы по причине обнаружения документов, подтверждавших такое увеличение в прошлом, а другой — ввиду обнаружения межевого камня, обозначавшего границу владений барона Перальты. Камень находился в 13 км южнее того места, где на американской карте ранее проводилась граница. Общая величина территории, на которую претендовал мошенник, к осени 1887 года достигла площади ~ 48,4 тысяч кв. км — это на 10% больше площади Московской области.

Рассмотрение иска, поданного Ривисом в марте 1883 года, тянулось не спеша. Следует отметить, что в качестве доказательного материала мошенник представил два сундука (!) с документами, в которых прослеживалось право рода де Перальта на земли в Аризоне и Нью-Мексико и принадлежность этих земель супруге Ривиса. Один только разбор этих документов и их перевод на английский язык занял 10 месяцев. Из Финикса, столицы штата, для работы в мексиканских архивах был отправлен нотариус, хорошо владевший испанским языком. Этого 70-летнего дедушку уже на территории Мексики встретил Джеймс Ривис, который окружил пожи-

лого чиновника заботой и вниманием. Он не только оплачивал проживание почтенного джентльмена в гостиницах, но и водил его по архивам, демонстрируя, где какие документы хранятся. Дедушка-нотариус открывал нужную подшивку и действительно находил то искомое письмо, то необходимую справку, правда, они почему-то оказывались не подшиты, а просто заложены между страниц, но… разве это повод не верить хорошему человеку и настоящему джентльмену?

Главный инспектор Департамента внутренних дел, отвечавшего за землепользование на территории штата Аризона, Джон Роббинс был склонен удовлетворить все запросы мошенника, но в 1884 году этот почтенный 70-летний джентльмен скончался от туберкулёза. Его место занял сравнительно молодой и очень энергичный Ройал Джонсон, заявивший, что подчинённое ему ведомство не станет заниматься межеванием земель и не признает прав Ривиса до тех самых пор, пока не будет проведена полная и самая тщательная проверка документов, представленных последним.

Джонсон придерживался тактики максимального затягивания рассмотрения требований Ривиса по существу. Это крайне затрудняло последнему взыскание по суду денег с тех, кто отказывался покупать пресловутые «отказы от исков». Ривис, взбешённый поведением Джонсона, умышленно создававшего ему проблемы, в сентябре 1887 года повторно подал иск в суд, добиваясь судебного приказа по безусловному землеотводу [причём уже в увеличенных разме-

рах] гранта, который, напомним, со временем рос. В этой связи достойно упоминания то, что Федеральный департамент внутренних дел полностью поддерживал Ривиса и требовал от Джонсона не чинить препятствий последнему. Джонсон, однако, оставался непреклонен, руководствуясь мудростью Ходжи Насреддина: либо ишак умрёт, либо падишах. Иными словами, чиновник верил, что должно произойти нечто такое, что избавит его от исполнения требований Ривиса.

Примечательно, что мошенник сам столкнулся с неожиданным судебным иском, поданным отцом того самого Уиллинга-младшего, чьи имя и фамилию мошенник использовал в самом начале своей аферы. Отец, по-видимому, не сомневался в том, что вся история с земельным грантом выдумана Ривисом от начала до конца, и потому решил получить толику малую от тех денежных сумм, что проходили через руки аферист а. Уиллинг-старший заявил, что при открытии завещания его сына оказались нарушены его права как наследника первой очереди. На этом основании он намерен получить компенсацию, размер которой требовал отдельного согласования.

Мотивация эта изначально представлялась довольно зыбкой, поскольку очерёдность наследования в случае существования завещания роли не играет. Отец мог рассчитывать лишь на личные вещи умершего сына да его наличные деньги, которые Ривис полностью передал вдове, но земельный

грант барона де Перальты ни к вдове, ни к отцу отношения не имел. По-видимому, Уиллинг-старший рассчитывал выклянчить у Ривиса кое-какие денежки в случае заключения мировой, но мошенник на сделку не пошёл. В конечном итоге иск отца был отклонён, и Уиллинг-старший на земельном гранте испанского барона так ничего и не заработал.

В начале 1890-х годов финансовое благосостояние Джеймса Ривиса пошатнулось. Аферист вжился в роль богатея, штат его прислуги и охраны превысил 60 человек, большие дома в разных частях страны и за рубежом требовали больших расходов по содержанию. Между тем действия главного инспектора Джонсона, точнее, его бездействие, препятствовало получению денег с многих тысяч мелких землевладельцев в Айдахо.

Помимо денежных затруднений, на Ривиса оказывала определённое давление и информация, поступавшая из Айдахо. Он знал, что инициативные группы мелких землевладельцев готовятся подать в 1892 и 1893 годах ряд исков в федеральные суды.

В этой обстановке Ривис решился на шаг воистину авантюрный. В 1892 году он сам подал иск в так называемый «Суд по частным земельным спорам», который представлял собой особый федеральный суд, специально созданный для решения споров по владению землёй на территориях, находившихся прежде под французским, мексиканским и российским владением [Соединённые Штаты по мере своего

расширения на запад скупали значительные территории у упомянутых государств]. В своём иске Ривис настаивал на выплате ему компенсации за нарушение его имущественных прав, проистекающих из владения земельным грантом барона де Перальты. Ответчиком выступал Федеральный департамент внутренних дел. Список нарушений превышал 40 пунктов, среди них значилось, в частности, изъятие 6,1 тысячи кв. км вдоль рек, озёр и железных дорог и продажа их переселенцам. Ривис настаивал на том, что это его земля и Департамент своими действиями грубо нарушил его имущественные права. Сумма иска составляла 11 млн.$, и размер его мог быть пересмотрен в сторону увеличения.

Величина заявленных требований выглядела совершенно несуразной и заведомо невыполнимой. Напомним, что по «Гадстенскому договору» США принимали на себя обязательства выплатить Мексике меньшую сумму, при этом американский доллар за минувшие с той поры годы инфляции практически не подвергся [он был жёстко привязан к золотому эквиваленту]! Сложно сказать, на что рассчитывал мошенник, наверное, он понимал, что федеральное правительство не заплатит ему столь значительную сумму, но пожелает заключить некое мировое соглашение, и вот тут-то он сумеет продавить сопротивление главного инспектора Джонсона. У Ривиса явно имелись союзники среди чиновников высшего уровня, во всяком случае, ряд высокопоставленных должностных лиц, в том числе и министр финансов, публично за-

явили о необходимости урегулировать отношения с «бароном Аризоны» без привлечения судебной инстанции.

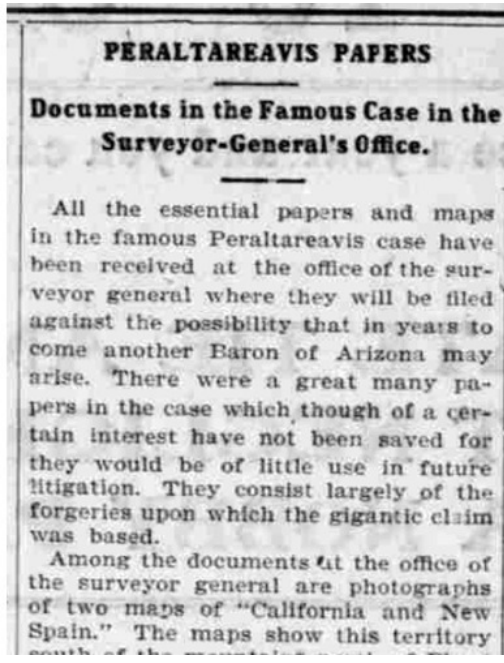
Однако расчёт афериста не сработал! Федеральный департамент внутренних дел даже не стал рассматривать возможность мирового соглашения. Вместо этого нанятые этим ведомством юристы, филологи и историки приступили к изучению документов, представленных Ривисом в суд для обоснования иска. Число этих документов превысило 220 штук, они занимали три огромных стола, сдвинутых вместе. Помимо экспертов, работавших в США, в Испанию и Мексику были откомандированы чиновники, которым предстояло собрать информацию о поездках Ривиса в эти страны и провести в тамошних архивах поиск информации о роде баронов де Перальта.

Работа эта растянулась более чем на полтора года, но результат её оказался по-настоящему ошеломительным. Ни один из представленных Ривисом документов не являлся аутентичным! Вообще ни один! В самом общем виде выводы проведённой проверки можно сформулировать следующим образом.

1. Существование рода баронов де Перальта в испанских и мексиканских архивах не прослеживается.

2. Документы, подтверждающие запрос на получение земельного гранта и его предоставление, имеют несомненные следы подделки, например, свинцовые государственные печати приклеены к бумаге, что невозможно для документов

XVIII столетия, когда не существовало клеёв, соединяющих бумагу и металл. В те времена печати крепились к бумаге посредством специальных скрепок, забивавшихся с обратной стороны листа в мягкий свинец. Кроме того, практически во всех документах встречались лексические обороты или слова, характерные для второй половины XIX столетия и ранее этого периода не использовавшиеся при оформлении документов и в деловой переписке. Некоторые слова были написаны неправильно, исполнитель документов неоднократно путался в родах и временах, и подобная безграмотность представлялась совершенно невероятной в официальных документах того времени.



PERALTAREAVIS PAPERS

Documents in the Famous Case in the Surveyor-General's Office.

All the essential papers and maps in the famous Peraltareavis case have been received at the office of the surveyor general where they will be filed against the possibility that in years to come another Baron of Arizona may arise. There were a great many papers in the case which though of a certain interest have not been saved for they would be of little use in future litigation. They consist largely of the forgeries upon which the gigantic claim was based.

Among the documents at the office of the surveyor general are photographs of two maps of "California and New Spain." The maps show this territory

Даже в начале XX столетия жители Аризоны не забывали «барона», едва не обложившего данью добрую половину штата. Это одна из статей в июльском 1904 года номере газеты «Arizona republican», в которой воскрешались «этапы большого пути» первого и последнего «барона Аризоны», умудрившегося напугать своей наглостью не только местных ковбоев и свинопасов, но и федеральное правительство.

3. Один из документов оказался оформлен на листе бума-

ги с водяным знаком, выпущенном на фабрике в американском штате Висконсин спустя более 60 лет после проставленной на нём даты.

4. Больше половины частных писем и документов оказались написаны стальным пером, которые хотя и существовали в XVIII столетии, но имели очень ограниченное хождение из-за своей дороговизны и непрактичности. Вся деловая переписка в то время велась гусиными перьями.

Проверяющие установили и кое-что ещё. Оказалось, что на Джеймса Ривиса полиция испанской Севильи оформляла ордер на арест. Это произошло после обращения работника архива, заявившего, что американский турист подкладывает в подшивки с документами некие подделки, которые затем «обнаруживает» и требует от работников архива официально зарегистрировать находки. Ривис дважды проделывал подобный фокус в Севилье, после чего ему официально было запрещено посещать архив. Заявитель в инициативном порядке разослал во все крупнейшие архивы Испании письмо-предупреждение, в котором сообщил о действиях американца-мошенника и предложил перед выдачей ему на руки подшивок с документами проверять отсутствие заложенных месту листами бумаг.

Удалось доказать и некоторые иные несомненные случаи мошенничества. Так, например, Ривис утверждал, будто мать и брат-близнец его жены Софии умерли в один день и похоронены в одной могиле. Он называл кладбище, где на-

ходится погребение, и в доказательство своих слов настаивал на том, что в церковной книге регистраций имеется соответствующая запись. И такая запись действительно существовала… Однако Ривис не знал того, что помимо книги регистраций, содержавшей подробные записи обо всех отправляемых требах, священники вели и дублировавший его блокнот, куда вносились те же самые записи в сокращённом виде, так вот в блокноте запись об одновременном захоронении матери и сына отсутствовала. Тот, кто подделал запись в журнале, не знал о том, что её необходимо продублировать во всём аналогичной записью в блокноте!

Не подлежит сомнению, что Джеймс Ривис заблаговременно узнал о том, что его подделки разоблачены и шансов выиграть суд у него практически нет. В принципе, Ривис мог в последний момент отозвать иск, но к середине 1895 года его материальное положение стало крайне напряжённым. В начале 1893 года он пытался прокредитоваться на сумму 30 тыс.$ и не нашёл бизнесменов, готовых дать такую сумму, сравнительно небольшую в его ситуации. К середине 1895 года он «проедал» сделанные ранее накопления и сокращал штат обслуги, поэтому решил не выходить из процесса, рассчитывая на чудо. И помощь коррумпированных друзей, разумеется!

Чуда, впрочем, не случилось. Всё развалилось буквально на глазах. Сначала Суд по частным земельным спорам в июне 1895 года ожидаемо отклонил все исковые требования Ри-

виса, после чего федеральное правительство возбудило его уголовное преследование. Как-никак тот требовал от Федерального минфина 11 млн.$, обосновывая свои претензии подложными документами — это же мошенничество в особо крупном размере!

После июня 1895 года могущественные друзья Ривиса от него в одночасье отвернулись. Он боялся появиться в Аризоне, опасаясь линчевания — не без оснований, кстати! Его богатое поместье на окраине Финикса, столицы штата, сначала было разграблено, а потом сожжено. Этот комплекс зданий, обнесённых стеной, больше похожий на замок так и не был восстановлен и в последующие десятилетия практически исчез с лица земли.

Судебный процесс по уголовному обвинению начался в конце июня 1896 года и уложился буквально в три дня. Джеймс Ривис вполне ожидаемо занял позицию полного отрицания вины и настаивал на том, что ничего не знал о фальсификации документов, дескать, если кто и занимался этим непотребным делом, то это был Уиллинг-младший. Такого рода аргументацию опровергнуть было не очень-то и сложно, ведь Ривис лично обнаруживал в архивах «документы» спустя многие годы после смерти Уиллинга-младшего!

Хотя злонамеренность действий мошенника представлялась очевидной, суд оказался на удивление гуманен и приговорил 53-летнего прохвоста всего-то к двум годам лишения свободы и штрафу в 5 тыс.$. Осуждённый до самого конца

процесса сохранял повадки благородного дворянина и удивительную самонадеянность. Выслушав приговор, он повернулся в сторону репортёров, занимавших гостевые места по правую от него руку, и высокомерно заметил, что не сомневается в скорейшей отмене приговора Верховным судом.

Впрочем, самомнение подвело Джеймса и на этот раз. Он отправился в тюрьму, где вёл себя исключительно тихо и незаметно, благодаря примерному поведению он был выпущен на свободу на три месяца раньше срока.

Вдохнув воздух свободы, первый и последний «барон Аризоны» понял, что соскучился по настоящему делу и бросился восстанавливать прежние связи. Джеймс всерьёз рассчитывал создать коалицию бывших друзей-товарищей, которая под его чутким руководством возьмётся реализовывать всевозможные бизнес-проекты в Аризоне. Древнегреческую мудрость про поток, в который нельзя войти дважды, он, судя по всему, никогда не слышал. Почти два года Ривис катался между Нью-Йорком, Вашингтоном и Сан-Франциско, агитируя старых приятелей поверить в его прожекты, но… так никто ему и не поверил.

Разочаровавшись в друзьях, Ривис на последние деньги учредил журнал. В конце концов, он журналист или где?! Первый номер он написал лично, отпечатал тираж и… никто журнал покупать не стал.

Жена мошенника, та самая баронесса София, что была не баронессой и не Софией, стоически воспитывала троих де-

тей и мужа почти не видела. На жизнь женщина зарабатывала белошвейкой и шляпницей, понятно, что денег ей едва хватало на прожитие. Муж, обуреваемый бизнес-идеями разной степени завиральности, ей не только не помогал, но и забирал последнее, поэтому бывшая «баронесса» в 1902 году развелась с «бароном» и вычеркнула его из своей жизни. Она удивительно долго терпела его рядом с собой!

В начале XX века Джеймс Ривис время от времени напоминал о себе, рассказывая о жизни баронов де Перальта и своей собственной всем репортёрам, кто был готов его слушать и заплатить хоть немного денег. Воспоминания первого и последнего «барона Аризоны» периодически появлялись в газетах в 1900-х годах.

Умер Джеймс Ривис в совершеннейшей нищете в 1914 году в возрасте 71 года. София пережила его на 20 лет, она ушла из жизни в 69.

Такова в общих чертах история необыкновенной жизни, успеха и поражения первого и последнего «барона Аризоны». Сказание, как видим, довольно эпично, и Джеймса Ривиса безо всякого преувеличения можно считать одним из самых успешных мошенников своего времени [а может быть, и самым успешным!]. Хотя его преступный путь задокументирован, в общем-то, неплохо, ряд вопросов, с ним связанных, ответа не нашёл ни во время расследования, ни позже.

Так, не получило достоверного объяснения происхождение того огромного вороха разнообразных документов, кото-

рые представлял Ривис в качестве доказательств своих версий. Счёт им шёл на сотни — это были как официальные документы Испанского королевского двора и Канцелярии вице-короля Мексики, так и частная переписка всевозможной родни трёх поколений мифических «баронов Перальта». Многие документы имели весьма внушительный размер текста. Совершенно непонятно, когда Джеймс Ривис, проводивший в разъездах много месяцев, успевал строчить все эти подделки.

Следует иметь в виду, что сам же мошенник во время суда в июне 1896 года в качестве важного аргумента в пользу собственной невиновности указывал на огромный объём письменного материала, подделка которого ему инкриминировалась. Дескать, когда бы я успел столько написать и разложить по разным архивам в других странах? Довод этот выглядел, по-видимому, весьма разумно…

Кроме того, мошенник хотя и говорил бегло по-испански [а также по-португальски], всё же знал этот язык недостаточно хорошо для того, чтобы писать от лица людей благородного происхождения весьма пространные и насыщенные изящными лексическими оборотами письма. Его жена хотя и являлась мексиканкой и знала испанский язык гораздо лучше, тем не менее не могла помочь ему в решении этой проблемы, поскольку просторечная разговорная речь очень сильно отличалась от письменной речи благородного сословия. Между тем Ривис представлял многие десятки частных писем,

написанных в разное время разными людьми, и письма эти были порой весьма объёмны по величине [на пяти, шести и более листах].

Отдельной проблемой, требовавшей нетривиального решения, являлось изготовление большого количества печатей, которые проставлялись на официальные документы. Причём все печати использовались однократно, что повышало доверие заверяемому документу. Для их изготовления был необходим мастер-гравёр, умеющий воспроизводить печати по их оттиску близко к оригиналу.

Не может быть сомнений в том, что Джеймс Ривис исполнял лично только незначительное число подделок на первом этапе создания своей легенды и в какой-то момент у него появился немалый штат весьма толковых помощников. Судя по всему, где-то в надёжном и безопасном месте находилась целая мастерская, изготавливавшая подделки в товарных количествах. Никто из этих людей при расследовании назван не был, сами они по понятным причинам назвать себя не пожелали.

Поэтому можно с уверенностью утверждать, что многие аспекты удивительного мошенничества Джеймса Эддисона Ривиса остались неизвестны. Но даже того, что нам известно, вполне достаточно для того, чтобы назвать его воистину великим комбинатором, умудрившимся заработать буквально из воздуха огромные деньги и сумевшим одурачить немалое число умных, компетентных и отнюдь не наивных людей.

1930 год. Нерассказанная история похищения банкира Эрла Йокума

Небольшой городок Галва на западе штате Иллинойс если чем-то и известен в современных США, то лишь своей безвестностью и, если угодно, абсолютной серостью. Галва — это место посреди ничего, где ничего не происходит. Откройте список известных жителей Галвы в любом онлайн-справочнике и вы узнаете, что за почти два века существования этот населённый пункт стал родиной всего трёх человек, получивших некую, причём весьма ограниченную, известность вне городских границ.

А про банкира Эрла Йокума (Earl Yocum) вы, скорее всего, вообще нигде ничего не прочитаете по той простой причине, что имя этого человека совершенно позабыто. Между тем с ним связана воистину поразительная криминальная история, которая заслуживает не просто пересказа в виде краткого очерка, но полноценной голливудской экранизации. В ней присутствуют все элементы хорошего детектива — тупые полицейские и тупые бандиты, умные полицейские и умные бандиты, подлость и предательство одних, героизм и находчивость других, драма, фарс, комедия и притча.

Итак, город Галва (Galva) в округе Генри (Henry) был основан ещё в середине XIX столетия как важный железнодо-

рожный центр. Там пересекались три крупные железные дороги, проложенные от Чикаго на запад. В Галве, удалённом от Чикаго на 230 км, поезда делали технические остановки, в паровозы заливали воду, а технические бригады осматривали состояние колёсных пар составов. Вся жизнь населённого пункта крутилась вокруг депо и огромных пакгаузов. Численность населения в 1930 году составляла 2800 человек, кстати, примерно столько же жителей насчитывается в Галве и ныне.

Эрл Йокум являлся богатейшим жителем Галвы, его состояние оценивалось в 2 млн.$. Возглавляемый им банк имени самого себя — «Yocum State bank» — владел, выражаясь метафорически, всем округом Генри. Банк работал как с частными лицами, так и с мелким и средним бизнесом. Пожалуй, лишь железнодорожные компании не нуждались в его услугах. «Великая депрессия», начавшаяся в октябре 1929 года с серии биржевых обвалов, «Yocum State bank» практически не затронула, поскольку тот зарабатывал не игрой на рынке ценных бумаг, а кредитованием большого числа мелких заёмщиков. Народ в глубинке как-то выживал, а вместе с ним выживал и Эрл Йокум.

В субботу 25 октября 1930 года Эрл Йокум отправился на собственном автомобиле в деловую поездку в городок Канкаки, находившийся на удалении 170 км от Галвы. Осмотрев дом и участок земли, владелец которых предлагал учесть их в качестве залога, Эрл возвратился домой и, посадив в ма-

шину обоих детей — девочек 8 и 6 лет — отвёз их в кинотеатр. Сам он возвратился к дому, чтобы провести некоторое время в уединении с супругой — этот момент они обговорили накануне, и именно для этого девочки были удалены из дома под благовидным предлогом.

Примерно в 17:45 Эрл появился возле дома. Его супруга Мэри в это время находилась с противоположной стороны здания, во дворе, где заканчивала подготовку розовых кустов к зиме. Она слышала глухой рокот мощного мотора «линкольна», на котором ездил Эрл — этот звук женщина не могла перепутать ни с каким другим. Она слышала, как затих двигатель, хлопнула дверь автомобиля, а через несколько секунд послышались голоса. Незнакомый мужской голос неразборчиво произнёс: «Как пройти…", — на что Эрл ответил: «Прямо, не сворачивая, пятьдесят ярдов». После чего последовал непродолжительный обмен репликами, похожими на те, какими обмениваются люди, уточняя дорогу.

Мэри вошла в дом, минуту или две потратила на то, чтобы снять перчатки и сбросить рабочие куртку и ботинки. Женщина прошла на кухню, ожидая появления мужа, но… минула минута, вторая… И женщина вдруг испытала смутное беспокойство — Эрл должен был давно уже войти в дом, но его не было ни видно и ни слышно.

Автомобиль мужа находился на подъездной дорожке перед гаражом — там, где ему и положено было быть… Но где же тогда сам Эрл? Женщина сообразила, что если кто-то

спрашивал дорогу у мужа, тот вполне мог потратить несколько минут на то, чтобы показать и объяснить, как надлежит двигаться. Он что-то говорил про пятьдесят ярдов — это порядка 45 метров — но на таком удалении живёт только семья Стормов (Storm), может быть, Эрл направился туда… Мэри подняла телефонную трубку, чтобы позвонить Стормам и уточнить, не заходил ли к ним только что Эрл, но густая тишина в динамике телефонного аппарата красноречиво свидетельствовала о его отключении от сети.

Вот тут Мэри встревожилась по-настоящему. Происходящее выглядело очень странно. Четвертью часа ранее Мэри разговаривала по телефону — и аппарат работал нормально. А теперь…

Женщина не была сильна в электротехнике, но знала, что к телефонному аппарату должен подходить специальный тонкий провод и в дом от столба телефонной связи также должен быть протянут отдельный провод. Провод этот подходит к металлической коробочке под навесом крыши — телефонный мастер всегда начинает свою работу с того, что взбирается по стремянке и заглядывает в эту коробочку.

Мэри прошла вдоль телефонного провода от аппарата в кухне до места, где провод входил в дом. Выглянув в окно, она увидела заветную коробочку под крышей и торчащий из неё короткий кончик провода. Провод явно был перерезан, он никак не мог оборваться таким неестественным образом.

Женщине стало по-настоящему страшно. Муж подъехал

к дому, но в дом не вошёл. И телефонный провод обрезан, хотя всего 15 минут назад телефонная связь была исправна.

Надо отдать должное миссис Йокум — она сохранила полное самообладание и над тем, как ей поступать далее, раздумывала совсем недолго, может быть, минуту или две. И что ещё важнее, из полудюжины или более возможных в ту минуту вариантов действий она интуитивно выбрала самый разумный. Она вообще была умной женщиной — мы ещё увидим тому наглядные подтверждения — но именно в те напряжённые минуты она продемонстрировала свои незаурядные сметливость и здравомыслие.

Прежде всего Мэри подумала о том, что если её муж похищен, то похититель должен оставить где-то неподалёку письмо со своими требованиями. Надо хорошенько оглядеться и это письмо найти. И если оно будет найдено, то не следует спешить оповещать об этом полицию. Полиция Галвы малочисленна и беспомощна, как, впрочем, и служба шерифа — это не бойцы «невидимого фронта», а инвалиды умственного и алкоголического труда, этим ребятам доверять спасение мужа точно нельзя. Поэтому каждое действие необходимо хорошенько обдумывать и ни в коем случае не болтать лишнего.

MR. AND MRS. EARL YOCUM

Супруги Йокум.

Мэри работала во дворе, а потом вошла в дом через чёрный ход и никакого письма или того, что могло бы быть письмом, она не видела ни на крыльце, ни в дверях. Поэтому искать следовало у парадного входа или вдоль фасада. Выйдя на крыльцо, Мэри сразу же заметила то, что рассчитывала увидеть — небольшой конвертик из числа тех, в которые обычно кладут визитные карточки для их последующего помещения внутрь букета, дабы цветочная пыльца не попортила глянец визитки.

Вернувшись в дом, женщина открыла конверт. На небольшом клочке бумаги оказалось написано несколько фраз. Их точное содержание неизвестно, но известно, что автор потребовал приготовить 200 тыс.$ в банкнотах номиналом 20$

или меньше и ждать последующих указаний. Ну, и само собой, в записке содержалось требование не обращаться в полицию — без такого рода заявлений не обходилось в те годы, пожалуй, ни одно похищение человека.

Женщине хватило самообладания не поднимать сразу же шум. Во-первых, потому, что она заподозрила скрытое наблюдение за домом, а во-вторых, допустила, что на телефонной станции могут работать сообщники похитителей. По этой причине ничего лишнего по телефону говорить не следовало. В те самые минуты Мэри больше всего беспокоилась о дочерях — их судьба была неизвестна, и женщина не исключала того, что девочек тоже могли похитить!

Стараясь демонстрировать полное спокойствие, Мэри отправилась к соседям — уже упоминавшимся Стормам — и от них позвонила ближайшему другу и советнику мужа Маркусу Бергваллу (M. Bergwall). Женщина сообщила Маркусу о неисправном телефоне и попросила того связаться с телефонной компанией, дабы оттуда прислали ремонтника. Также она попросила Бергвалла отправиться в кинотеатр и после окончания сеанса привезти её девочек домой. Дочери хорошо знали Бергвалла и доверяли ему, поэтому его появление не должно было их напугать. В этом отношении большее беспокойство Мэри вызывала возможная реакция Бергвалла, который мог недоумёнными вопросами привлечь внимание девушек-телефонисток на коммутаторе.

Однако Маркус всё понял правильно и никаких глупых

вопросов задавать не стал, хотя неожиданное обращение миссис Йокум явно спутало его планы на субботний вечер. Тем не менее он ответил, что всё сделает как надо, уточнил время окончания киносеанса и положил трубку без лишних разговоров.

Размышляя над ситуацией, Мэри пришла к выводу, что недонесение полиции, точнее, службе шерифа округа Генри (Henry), на территории которого находился город, о факте исчезновении мужа превращает её в соучастницу преступления. Безусловно, что-то «законникам» необходимо было сообщить, но в какой форме? После непродолжительного раздумья женщина ещё раз воспользовалась телефоном Стормов и позвонила дежурному службы шерифа, управление которой находилось в городе Кембридж на расстоянии 15 км от Галвы. Мэри попросила прислать патрульного, поскольку муж приехал из поездки, поставил автомобиль перед гаражом, но в дом не вошёл… Может ли патрульный объехать район и поискать мужа?

В службе шерифа, разумеется, хорошо знали, кто такой Эрл Йокум, в том числе и потому, что «Yocum State bank» имел программу поддержки сотрудников правоохранительных органов и каждый год к Рождеству дарил «законникам» подарки. Все до единого сотрудники службы шерифа получали бутылку виски для себя и пирог для жены, поэтому проигнорировать обращение миссис Йокум было невозможно. Уже через 10 минут возле дома Йокума появился пат-

рульный на мотоцикле, который потратил четверть часа на осмотр окрестностей, ничего не обнаружил и, воспользовавшись всё тем же телефоном в доме Стормов, доложил шерифу о неутешительных результатах своих усилий. Доложил патрульный и о неисправном телефоне Йокумов.

Шериф Чарльз Нэш (Nash), выслушав этот доклад, что-то заподозрил. Он попросил передать трубку Мэри Йокум и поговорил с нею. Он высказал предположение о похищении и спросил женщину: находила ли она письма с требованием выкупа или отвечала ли на соответствующие телефонные звонки? Женщина испытала в ту минуту сильный соблазн признаться шерифу, но решила придерживаться ранее принятого решения, а потому ответила, что требований выкупа ни в каком виде не получала.

Через 20 минут в Галве появились шериф Нэш и десяток его подчинённых, которые приступили к методичному осмотру кварталов и опросу жителей. В течение последующих часов силы, занятые поисками пропавшего банкира, неуклонно возрастали. Прибыла группа полицейских из Кьювани (Kewanee), крупнейшего города округа Генри, а также группы пожарных из Галвы и соседних населённых пунктов. Сразу можно уточнить, что поисковая операция продлилась сутки, то есть до вечера 26 октября, и никакого результата не принесла, что следует признать вполне ожидаемым.

Самые важные события оказались связаны вовсе не с ше-

рифом Нэшем и его подчинёнными, а Маркусом Бергвалом. Тот привёз девочек из кинотеатра и спокойно, без свидетелей, расспросил Мэри Йокум о событиях того вечера. Узнав о похищении Эрла Йокума и получении записки с требованием выкупа, Бергвалл одобрил решение Мэри ничего не говорить шерифу и предложил свой вариант действий. Надо сказать, что план этот полностью соответствовал задумке Мэри Йокум, то есть ход их мыслей оказался одинаков.

«Yocum State bank» являлся членом «American Bankers Association» («Ассоциации американских банков»), объединявшей в те годы почти 14 тысяч коммерческих банков и аффилированных с ними страховых и брокерских компаний по всей территории Соединённых Штатов. Упомянутая ассоциация была призвана решать широкий круг вопросов, связанных со взаимодействием финансовых учреждений, и одним из направлений такого взаимодействия являлась координация усилий в вопросах безопасности. Причём безопасности в широком смысле этого понятия — как надёжности и конфиденциальности проводимых операций, так и физической безопасности банков и их работников. Ассоциация работала с «Национальным детективным агентством Пинкертона», и именно детективы последнего занимались решением широкого круга задач безопасности. Бергвалл предложил довольно очевидное решение — пусть спасением Эрла Йокума займутся «пинкертоны»! Кто может справиться с этим лучше

них?

Получив согласие на привлечение к делу частных сыщиков, Бергвалл отправился к себе домой и уже оттуда сделал телефонный звонок одному из руководителей «Ассоциации американских банков». Кратко обрисовав ситуацию, он попросил прислать в Галву надёжных людей, способных вытащить Йокума из беды, в которой тот оказался.

Через 14 часов после телефонного звонка в Галве появились девять человек — все они прибыли из Вашингтона, преодолев более 1100 км. Из числа прибывших детективами являлись восемь, все они подчинялись девятому — Джорджу Ньювеллу (George Newell), полковнику американской армии, не имевшему к розыскным делам почти никакого отношения. Впрочем, будучи в американской армии, он и к военным делам отношения почти не имел. Поскольку роль этого человека в последующих событиях весьма важна, имеет смысл сказать несколько слов как о биографии господина полковника, так и специфике его деятельности.

По своему образованию Ньювелл являлся бухгалтером и по характеру своего мышления и поведения его следует признать человеком сугубо штатским. В 1910 году, уже будучи вполне опытным специалистом в финансовых вопросах, 30-летний Ньювелл поступил на службу в только что созданный в Военном министерстве отдел аудита. Там он проявил себя настолько хорошо, что после окончания Мировой войны был направлен в Европу, где возглавил финансовую служ-

бу американского контингента во Франции. По возвращении в Северную Америку Ньювелл продолжил службу в Вашингтоне, в центральном аппарате Военного министерства. В 1924 году он получил звание лейтенант-полковник, 11 мая 1928 года [перед самым увольнением со службы] стал полным полковником. В 1926—1928 годах Ньювелл курировал бюджет строительства громадного «Walter Reed General Hospital», главного медицинского учреждения Вооружённых сил. В этом заведении каждый год должны были лечиться и проходить диспансеризацию до 120 тысяч военнослужащих.

Покинув воинскую службу, Ньювелл был привлечён к работе в «Ассоциации американских банков». Числился он консультантом, но в действительности род его деятельности был куда необычнее. Полковник стал своеобразным «решалой», призванным урегулировать конфликты интересов между членами ассоциации. Понятно, что банкиры — люди богатые и энергичные и сам род деятельности побуждает их защищать свои интересы жёстко и агрессивно. Конфликты между такими людьми — если только пустить их на самотёк — рискуют часто и быстро заканчиваться отправкой наёмных убийц. Чтобы не доводить дело до таких крайностей, ассоциация прибегала к услугам особых консультантов, чей авторитет и непредвзятость признавались всеми.

И Ньювелл стал таким вот консультантом по проблемам внутренних конфликтов. На русском просторечном таких людей называют «решалами». Полковник являлся высокопо-

ставленным масоном и был одним из руководителей масонской ложи «Kemper lodge №64», объединявшей в своих рядах крупнейших финансистов из Вашингтона, Нью-Йорка, Филадельфии и Бостона. Рядовые американцы о нём ничего не знали, зато Ньювелла хорошо знали на Капитолийском холме.

COL. GEORGE M. NEWELL.

Полковник Джордж Ньювелл действительно имел воинское звание полковник. Вот только на действительной военной службе он занимался не тактикой и не стратегией, а бухгалтерией. Эдакий полковник-счетовод и по совместительству аудитор. Он никогда не был банкиром, но именно по этой причине его после увольнения в запас пригласили в «Ассоциацию американских банков» на неофициальную,

но очень влиятельную должность «решалы деликатных проблем».

Полковник отправился в Галву по весьма серьёзной причине. Ему надлежало разобраться в истинных причинах похищения Эрла Йокума, и если последний стал жертвой недопустимой конкурентной борьбы, выяснить, кто именно явился заказчиком этой акции. Разумеется, о своей деликатной миссии Ньювелл не мог сообщать никому, кроме руководства «Ассоциации американских банков», а потому ни ФБР, ни полиция штата Иллинойс, ни тем более служба шерифа округа Генри не могли быть его помощниками. Но у полковника имелись помощники получше — восемь частных детективов из агентства Пинкертона. Старшим этой группы поддержки являлся 52-летний Андерсон, отдавший частному сыску уже более четверти века.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.